6/17

6 17

Гибель „Ормесби"

драма во льдах Полярного моря.

(Эпизод из Великой Мировой войны).

Сообщил Давыдов.

ПЕТРОГРАД.
Издание Морского Комиссариата.
1919.

617

Гибель „Ормесби“

драма во льдах Полярного моря.

(Эпизод из Великой Мировой войны).

Сообщил Давыдов.

114.

ПЕТРОГРАД.
Издание Морского Комиссариата.
1919.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1299838

Отдѣльный оттиск из №№ 2 и 3, «Морск. Сборн.» 1919 г.

10-я Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.

ГИБЕЛЬ ТРАНСПОРТА «ОРМЕСБИ» В ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ.

Эпизод из Великой Войны 1914—1915 г.

I.

Начало Великой Европейской войны застало меня в Англии, в г. Манчестере. Я служил помощником капитана на пароходе *Мари* из Риги, который был застигнут объявлением войны в указанном выше городе, где и остался отстаиваться, не рискуя выходить в море, вместе со всей своей командой, жившей на пароходе и выполнявшей различные мелкие судовые работы. Так прожили мы в Англии до октября 1914 года, наблюдая кипучую военную деятельность страны в области милитаризации, восторгаясь ее энергией, порядком и спокойствием, сознающем свою силу, и следя по газетам за развертывавшимися все более и более картинами титанического столкновения народов. В октябре до нас дошли слухи о том, что наше правительство покупает в Англии несколько пароходов. Эти слухи вскоре нашли подтверждение: я получил неожиданно для себя телеграмму, приглашавшую приехать немедленно в г. Барридок, куда прибыл 9 октября. Здесь меня встретил капитан с парохода *Ормесби* — К. Юргенс, сообщивший мне, что пароход куплен Россией и грузится английским каменным углем для того, чтобы транспортировать последний в Архангельск. Тут же Юргенс предложил мне место его старшего помощника и так как мне очень хотелось быть полезным отечеству в трудное военное время, — я охотно согласился на его условия и подписал контракт.

В гостиннице, где жил капитан и где у нас состоялось соглашение, я встретил много моряков; с некоторыми я был знаком раньше и тут из разговоров узнал, что это за транс-

Государственная публична
историческая библиоте

порт, на котором мне предстояло служить, а впоследствии и столько испытать. Оказалось, что *Ормесби* был старое судно, раньше плававшее в Средиземном море и основательно потрепанное бурями и другими морскими передрягами, часто встречавшимися на его долгом веку.

На другой день утром я поспешил лично осмотреть *Ормесби* и еле нашел его, затерявшегося в огромной гавани Барридока, полной самыми разнообразными судами, от маленьких рыбачьих тралеров до громадных трансатлантических купцов и пассажирских пароходов. Стоявшая вокруг сутолока и деятельность совершенно не отражали в себе международного положения—здесь была обычная жизнь большого английского порта: целый лес труб и мачт, могучие гудки и рев сирен, стук, лязг и визжанье цепей лебедок, и крики рабочих и команд..

Вот и *Ормесби* — довольно большой в 4500 тонн пароход, который спешно грузится углем своей прежней английской командой, успевшей загрузить уже более половины.

Осмотрев пароход, полазив по всем его помещениям и приглядевшись к его состоянию, я убедился, что оно очень неважное. Действительно, судно старое и в данную минуту уже доживает свой век, весьма продолжительный и богатый приключениями. Все, что ни видел глаз,—было сильно запущено, верхняя палуба проржавела и стала чрезвычайно тонкой, часть правого борта была изъедена ржавчиной до отверстий. Лебедки и брашпиль отказывались служить, в особенности последний, который не мог почти выбирать якорь. Старший механик прежней английской команды *Ормесби* говорил, что требуется самый полный и тщательный ремонт судна и в самом скорейшем времени. В этом нам предстояло, впрочем, убедиться довольно скоро опытным путем.

Покончив 13-го октября с погрузкой угля и собравшись совсем выйти в море для дальнего плавания, мы застряли вдруг на два дня в порту Барридока, обнаружив в корпусе такие дефекты, с которыми не рискнули идти в Архангельск. Помимо того, что борта у ватерлинии оказались с отверстиями от ржавчины, внутри судна некоторые из шпангоутов

до того проржавели, что листы бортовой обшивки отвалились, отстали от них и висели на воздухе. С этим мириться было невозможно и вот, спеша и делая все на скорую руку, принялись мы за ремонт, обращая внимание только на самое существенное.

Команда *Ормесби* к этому времени состояла из 24 человек. До полного судового комплекта недоставало еще нескольких человек, но их было так трудно достать, что в конце концов капитан решил ограничиться уже имевшимся количеством, сплошь состоявшем из уроженцев наших Прибалтийских губерний.

15 октября мы наконец закончили кое-как наш ремонт и после полудня, подняв якорь, вышли на нашей развалине из гавани, желая сами себе всякого благополучия и покуда не предчувствуя ничего плохого впереди. Еще до отправления в плавание мы запаслись самыми последними сведениями о том, где крейсеруют германские подводные лодки, чтобы избежать приятной встречи с ними, и, несмотря на то, что по нашему пути немцы уже успели потопить несколько пароходов, — мы все же надеялись счастливо проскочить в Белое море.

Вот уж и Барридок и берег скрылись на горизонте, и чуть заметное облачко дыма над портом выдает еще их местоположение. Кругом бесконечная тускло-серая туманная пелена пасмурного дня, характерная для Англии. Погода, одним словом, неприятная. Ветер силою около 6 баллов дует навстречу и разводит постепенно волну. Идем понемногу на север и зорко всматриваемся кругом: нет ли где немецкого крейсера или подводной лодки. Особенно не хочется встретиться с последней.

Прошли канал Георга и вышли в Северное море, закутанное густым туманом. Небо не хочет проясняться и все хмурится: ветер усилился и временами доходит до 8 баллов. Больше всего интересуемся горизонтом — не покажутся ли немецкие суда. Вот, наконец, и дымки, не один, а несколько, стали вдруг заметны на хмуром фоне серого неба. Хмурится капитан, зорко смотрящий туда в бинокль, беспокойно бьется сердце у меня, да и все чувствуют себя неважно,

предвкушая надвигающееся свидание. Что мы замечены — сомнений быть не может, т. к. дымки делаются все явственнее, и невооруженным глазом уже видны корпуса кораблей в виде темных точек. В трубу же ясно можно различить характер флотилии — военные суда. Наконец все возраставшая тревога за судьбу сменилась вздохом облегчения — это английская эскадра, т. к. ясно виден английский военный флаг. Направление ее — прямо на нас. Отдали приказание сигнализировать, что судно русское и идем в Архангельск. Но, повидимому, этого для англичан оказалось недостаточным: от эскадры отделился крейсер, подошел к нам, обошел несколько раз вокруг, зорко осматривая пароход со всех сторон, пока, наконец, успокоив свою подозрительность, не ушел в море, предоставив нам спокойно продолжать дальнейший путь.

Остальную часть Северного моря прошли вполне счастливо и спокойно, все время при пасмурной, унылой погоде. Около Норвежских берегов тучи стали расходиться, воздух стал светлее и наконец проглянуло давно невиданное нами солнце. Из его появления, столь приятного нам после надоевшего тумана,—мы тотчас же извлекли и пользу, определив поправку нашего компаса, после чего взяли курс на Норвежские шхеры, которых достигли 25 октября. Так как идти сложным и запутанным фарватером шхер, радовавших наш взор своими красотами, но скрывавших многочисленные опасности для мореплавателя—было невозможно без помощи лоцмана, то, взяв последнего на борт, мы продолжали подвигаться вперед согласно его указаниям. Солнце недолго тешило нас своей застенчивой северной улыбкой:—внезапно откуда то надвинувшиеся тучи свинцовым пологом закрыли небо и начали сыпать снегом при сильном ветре. На широте Трондхейма снег шел так густо, что впереди ничего не было видно, и эта морская метель сопровождала наше путешествие, ставшее оттого чрезвычайно медленным, вплоть до Норд-Капа, где наконец прекратилась, оставив чрезвычайно неприятные воспоминания. У Норд-Капа мы уже ясно ощутили изрядный холод, постепенно нараставший по мере нашего продвижения на север. Встретили несколько пароходов, шедших контр-

курсом. Предполагая, что они идут из Архангельска, порадовались сделанному из этого предположения выводу о том, что значит Архангельск еще не замерз и с этой стороны препятствий нам представиться не может.

Кончились шхеры, сошел лоцман и дальше идем уже самостоятельно, становясь все ближе и ближе к полярному кругу, соседство которого уже давно нами ощущается. Вот уж и самый северный пункт Норвегии—мыс Норд-Кап, подаривший нас 4° мороза. Вступили в Ледовитый океан, суровое небо которого днем сыпало на нас с своего хмурого лика снегом, а к вечеру немного прояснялось. Сквозь обрывки туч блестели яркие звезды и проскакивала стыдливая луна, по которым мы стремились определить свое местонахождение, чего нельзя было сделать по дневному светилу, редко-редко пробивавшему своими лучами облачную пелену.

Раз вечером, несмотря на то, что луна была плохо видна, капитан Юргенс предложил мне определить с ним ее высоту. Т. к. горизонт был закрыт, то мне казалось это предприятие невыполнимым. Однако капитан, улучив момент, когда луна на мгновение показалась между туч, все-таки взял ее высоту. Я отметил этот момент по хронометру. Вычислили место, при чем результат нашей работы оказался довольно правильным.

Идя дальше океаном, мы снова встретили английское военное судно, сообщившее нам, что при входе в Белое море появился плавучий лед. Это обстоятельство, как ни покажется странным на первый взгляд,—нас обрадовало и именно тем, что теперь нечего было опасаться немецких подводных лодок. Теперь все опасности казались нам оставленными далеко позади и потому мы с легким сердцем подвигались к нашей цели—Архангельску, не предчувствуя впереди ничего трагического или даже просто очень неприятного. Погода покуда была все та же: днем пасмурно, ветер и снег,—к вечеру яснее. Иногда по ночам загоралось вдруг красивым и волшебным светом дрожащее и колыхающееся северное сияние, разгонявшее своим фейерверком мрак темной полярной ночи. Раз вечером, стоя на вахте, я поставил на компас пеленгатор с целью определить поправку. Как раз вспыхнуло северное

сияние. И вот, наблюдая по пеленгатору Полярную Звезду, я заметил, насколько сильное действие оказывает сияние на компас. Стрелка последнего колебалась на 9° в ту и другую стороны, и когда свечение сияния окончилось и оно потухло, то оказалось, что девиация компаса, т.е. поправка от действия на магнитную стрелку металла судна—изменилась на три градуса (3°).

После некоторого времени пользования относительным благоденствием, наступил поворот к худшему. Погода, бывшая и так неважной, окончательно испортилась: густо повалил снег и, подхваченный внизу у поверхности моря, сильным ветром, превратился в густую метель, застлавшую океан и горизонт непроницаемой мглой, мешавшей видеть путь впереди судна почти у самого форштевня. Поэтому решили заранее принять все меры предосторожности: приготовили глубомерные инструменты, приведя их в порядок, проверили марки глубины на лине дип-лота, которым могли измерить до 120 саж. глубины. 28 октября утром, когда к счастью на короткое время снег уменьшил свою густоту, увидели маяк Святого Носа и в 8 ч. утра, определив по крюйс пеленгу место судна и расстояние его от маяка, оказавшееся равным 14,5 милям—изменили курс с тем, чтобы, распростившись с неприветливым океаном, войти в Белое море.

Наступали короткие зимние дни: светало около 8 ч. утра, а уже в 4 часа дня было почти темно. К вечеру этого же 28 октября погода, и так все время бурная и пасмурная, стала еще хуже. Снег шел густо и непрерывно, а ветер SSW, бывший до сих пор силою около 8 баллов, превратился в настоящий шторм, разогнавший большую волну, яростно бившую корабль. Т.к. впереди ничего не было из за снега и сумрака вечера видно, то уменьшили ход судна и часто мерили глубину моря.

В 8 ч. вечера я принял вахту от второго помощника капитана, и закутанный в морской плащ-дождевик, поднялся на мостик. Вахта была очень неприятная. Кругом мрак, наполненный свистом в снастях шторма и ревом воды за бортом. Судно имело сильную боковую и килевую качку, и бушевавший

океан перекатывал через него верхушки своих холодных валов, для некоторого обуздания которых мы держали на привязи за бортом мешки, наполненные вареным маслом, которого у нас было порядочное количество. Но это средство хотя и помогало, но было слишком недостаточным. А потому из всех сил приходилось держаться за разные части парохода, чтобы не упасть на скользком от мокрого снега мостике и не очутиться мгновенно за бортом. Непрерывно шедший снег налипал на стекла сигнальных фонарей и его приходилось часто очищать, т.к. не было видно отличительных огней. Кругом царил мрак. Шли уменьшенным ходом и ежеминутно, почти безостановочно, давали паровым свистком туманные сигналы для предупреждения столкновения. Наконец, около 10 ч. вечера свисток испортился. Пришли старший и младший механики и начали его исправлять среди воя и рева мрачной ночи.

Около полуночи измерили глубину: 23 сажени при грунте крупном песке и ракушках. Ровно в 12 часов меня сменил на вахте второй помощник капитана. Сам капитан в эти трудные и ответственные для него, как руководителя судна, минуты, неотлучно присутствовал на мостике, жадно всматриваясь в темноту впереди судна и наблюдая за состоянием последнего.

Сдав вахту, я зашел, усталый и мокрый от снега и воды, в штурманскую рубку. Туда вскоре пришел и капитан и мы вдвоем, склонившись над картой, начали гадать о нашем местонахождении в данную минуту, принимая во внимание течение, относившее нас к NO.

Поделились друг с другом более или менее вероятными предположениями, после чего Юргенс снова ушел на мостик, а я занялся записыванием в судовой журнал всего случившегося на моей вахте. Покончив с этим около часу, я ушел к себе в кормовую каюту. Зажег керосиновую печь, смыл с лица и рук слой соли от высохшей морской воды и полураздевшийся,—т. к. раздеваться окончательно было рискованно в нашем положении,—лег на диван заснуть, чувствуя себя тепло и приятно после холода и мокроты мостика, где пришлось проторчать непрерывно 4 часа. Разлегшись и за-

крыв глаза, я расчитал, что еще два дня и мы—в Архангельске, вне этой проклятой тревожной и беспокойной обстановки. С этой привлекательной мечтой, чувствуя тепло и уют, я быстро погрузился в нервный и тревожный сон.

II.

Спать пришлось недолго. Среди моего чуткого сна я почувствовал какое то особое, незнакомое доселе сотрясение корпуса судна и моментально открыл глаза, стараясь сознанием определить, действительность ли это или воображение дремавшего мозга. Но я не успел подумать над этим вопросом как следует, борясь с желанием опять закрыть глаза, как уже совершенно реально ощутил новый толчек судна. «Что бы это значило»?—пронеслась мысль. «Особой ли силы удар шторма и моря, которые гудели, бешено метались за бортом, или же это явление от другой причины?». Посмотрел время—2 ч. 20 м. ночи. Значит я отдыхал всего около часа. Страшно хотелось спать, еле отдирал веки друг от друга. Но все же пересилил себя и, наскоро одевшись, вышел на палубу. Бешеный шторм охватил меня точно руками, окатывая с ног до головы целыми тучами соленых брызг, и вертел вихри снега, проносившегося точно в какой-то бесовской пляске в свете тусклых фонарей. Огромные темные валы, зарождаясь где то на необъятной поверхности океана, окутанной мраком и снегом, внезапно выростали из этого мрака около самого судна для того, чтобы яростно ударившись об его борт, перекинуть огромную верхушку через палубу, унеся в темную пучину все, что не успело во время прикрепиться к чему-нибудь.

Цепляясь за стойки, выступы, за все, чем только можно было утвердить себя более или менее неподвижно на корабле, и рискуя вылететь за борт вместе с какой-нибудь шалой волной,—я побежал к мостику. 2-го помощника там уже не было—стоял один капитан Юргенс. На мой поспешный вопрос, что за толчки получает пароход, он, озабоченный какой то беспокойной, сверлящей мозг, мыслью, бросил мне только

два слова: «видите сами». Я почти в этот же момент ясно почувствовал повторявшиеся слабые удары передней части о грунт и разумеется понял в чем дело—мы наткнулись на банку. Отсутствовавший второй помощник, как оказалось, пошел будить команду, т. к. дело могло закончиться очень плохо, особенно имея в виду плачевное состояние нашего судна.

Измерили воду в баластных цистернах и бильжах: оказалось, что в передней части судна течи не было, зато кормовые цистерны оказались полны водою. Известили об этом машинное отделение и начали полным ходом выкачивать из цистерн воду. Мало по малу судно опять стало на свободную воду и не хватало больше грунта. Волнение океана в это время было страшное: он точно кипел, как гигантский котел, белыми волнами, свободно переливавшимися через судно. Видно было, как вокруг нас ходили седые буруны, служившие ясным доказательством мелководья, которое впрочем мы уже ощутили непосредственно своим корпусом.

Все были уже разбужены и находились на местах наверху, наблюдая безотрадную картину ночного шторма и учитывая всякие самые печальные возможности вблизи камней и мели. Но я готов ручаться, что никто из нас не учел именно той возможности, которая начала вдруг неожиданно осуществляться на наших глазах, широко раскрытых от изумления, перешедшего скоро в страх за нашу участь. Дело в том, что мы заметили, как палуба и правый фальшборт, между третьим люком и машинным отделением, начали вдруг выгибаться кверху дугой, перпендикулярной длине судна. С левой же стороны, и в том же сечении судна, левый планшир фальшборта уже переломился. У меня, да вероятно и у всех, мелькнула внезапная и страшная мысль: пароход ломается. Да. Это было так. Я, не теряя ни минуты, бросился к себе в каюту, где захватил ракеты и фальшфейеры, которые принес на мостик, боясь лишиться средств сигнализации, которые в эту минуту казались куда драгоценнее и осмысленнее денег, платья, револьвера,—одним словом всего того, о спасении чего не думалось, и что я бросил на произвол судьбы в моем убежище.

По приказанию капитана, чтобы спасти судно и груз и не дать ему затонуть на глубоком месте, пароход направили прямо на мель, обозначавшуюся ходившими по ней бурунами. Дали полный ход машине. Все были, как я уже говорил, наверху, и в ожидании купанья за бортом, казавшегося близким и неизбежным, обвязывались спасательными поясами. В то же время безостановочно давали ночные сигналы о бедствии, жгли смоляные бочки, облитые керосином, и фальшфейеры, пускали ракеты и даже стреляли в воздух.

Как только пароход снова носом хватил грунт, задняя мачта начала качаться и наконец упала за борт. Команда, еще в полном составе, собралась у мостика. Паники никакой не было. Все были спокойны, сосредоточены и молчаливы. О немедленном спасении нечего было и думать: нельзя было никаким способом спустить шлюпки, которые были бы тотчас разбиты о борт, т. к. ветер бил сзади. Но потом судно немного повернулось и волны начали переливаться с силой наверху. Одна из больших волн вдребезги разбила и унесла за борт первую жертву—нашего буфетчика В. Эргле, схватив его прямо с мостика. Эргле был первым, кого взял себе холодный океан, рычавший кругом точно зверь, выбравший себе лакомый кусок и собирающийся броситься на новую жертву.

Печальная судьба нашего товарища, погибшего на виду у всех, заставила нас удвоить или даже утроить осторожность. Крепко и нервно держались мы за все удобные для этой цели предметы, чтобы не быть смытыми валами, гулявшими свободно по палубе и достававшими часто до мостика. Все вперили лихорадочные взоры в темноту полярной ночи, откуда могло появиться либо спасение, либо иное решение жизненного вопроса. И вся эта зловещая и трагическая картина освещалась тусклым светом фонаря, горевшего на передней палубе. Но вот один из валов добрался и до огня— и все внезапно очутились в зловещей, полной всяких неожиданностей и опасностей, темноте, в которой каждый чувствовал себя обособленным и предоставленным только самому себе и своим слабым силам, что еще больше усиливало напря-

женность переживания. Изредка лишь этот мрак, покрывавший и объединявший биение 23 человеческих сердец, внезапно прерывался вспышкой фальшфейера, озарявшей бледные лица с широко раскрытыми глазами,—или светлой полосой ракеты, с шумом исчезавшей в темноте над головой—все, чем экипаж гибнущего *Ормесби* мог и пытался в эту ужасную ночь дать знать о себе и о своей медленной агонии.

А что это была агония, в этом нельзя было сомневаться. Судно постепенно разрушалось. Вот кормовая часть его начала погружаться все ниже и ниже и валы все свободнее и все больше перекидывались через нее и гуляли по верху. Опять одна из них, самая настойчивая и разъяренная, добросилась до мостика и разбила уже вторую большую спасательную шлюпку и проломила мостик, выброшенным из последней боченком с пресной водой, при падении разбившем несколько человек из команды, а в особенности плотника, который еле мог после двигаться.

Часов около трех ночи море доделало свое скверное дело: корма отвалилась совсем и, скрывшись в бушующей пучине, погребла с собой всю нашу провизию, кают-компанию, каюты для жилья и все имущество судовой администрации. Погибло все самое существенное, — начиная разумеется с половины нашего транспорта,—и его несчастному экипажу оставалось довольствоваться сохранившейся еще под ногами носовой частью, которой предстояло теперь уже самостоятельно выдержать яростный штурм океана. Мостик также еще был в нашем распоряжении и это было большим благом для нас. Оставалось озаботиться сохранением всего, что еще имелось под руками и могло быть полезным, почему я с особой тщательностью спрятал упавший боченок с пресной водой, чтобы до него не добралось море. Это было кажется все, что можно было причислить к провизии, при перспективе сидеть неопределенное время, при полной невозможности что либо предпринять в данную минуту для облегчения нашей участи.

Как следует промокшие и уставшие от непрерывного напряжения сил, мы все сошли с мостика и залезли, спасаясь от ярости океана, в штурманскую рубку. Разместив-

шись кто где и кое-как, проверили, сколько нас еще оставалось. На этот раз были целы еще все, исключая несчастного буфетчика. Но несмотря на нашу целость, мы не могли похвалиться своим физическим самочувствием. Особенно некоторые, вдоволь наглотавшиеся горькой морской воды или расшибленные. Немного осмотревшись, поделились впечатлениями только что пережитого. Капитан и 2-ой помощник сообщили, что смерив около 2 час. ночи глубину и найдя ее равной 7 саженям, они тотчас же дали полный ход назад из опасения наткнуться на банку или берег. Но произошло то, что можно было ожидать от судна, бывшего в таком блестящем состоянии, как наше. Старая машина древней конструкции, требовавшая для своих маневров трех человек, работала на задний ход очень плохо. Об этом мы знали уже давно со слов ст. механика, но обстоятельство это только здесь решающим образом оказало влияние на нашу судьбу. Как ни старалась работать несчастная машина, но в эту критическую минуту не смогла бороться с сильным нордовым течением, несшим нас на банку, с которой мы основательно соприкоснулись около 2 ч. 20 м. ночи. Удары о грунт были хотя и сильные, но все же, по словам боцмана, не настолько, чтобы свалить с ног человека сотрясением корпуса.

Перекидываясь словами и мыслями и прислушиваясь к завыванию шторма за стенами нашего убежища, мы молили судьбу о том, чтобы она оставила нам его неприкосновенным для защиты от непогоды. Расчитывали в то же время и шансы на наше спасение, ощущая всем существом, что их остается ничтожное количество. Все же надежды на чудо не угасали и мы постоянно выбегали поглядывать на море—не приближается ли кто нибудь к нам. Неужели,—думалось,—все наши сигналы так и останутся бесплодными и незамеченными и никто, никто не придет для спасения? Быть этого не может. Нужно ожидать. И мы ждали и ждали, ощущая в душе все более ущемлявшее ее чувство отчаяния. Надежды наши были тщетны и кругом, как и прежде, металась как зверь, мрачная, волнующаяся пустыня вод.

Вскоре закончилось наше спокойствие и в рубке. Какая то шальная волна, ударившись, разбила ее дверь и, мгновенно наполнив все помещение водой, выбросила нескольких человек на палубу. Пришлось всем выбираться отсюда наружу. И вот, разместившись по разным углам, держась за всякие стойки и выступы, стоя наполовину в воде и временами еще дополнительно окатываемые переливавшимися через голову ледяными волнами, мы в полном мраке, трепеща за свою судьбу, ожидали рассвета и спасения. Время в этой обстановке тянулось убийственно медленно. Словно вечность, текли минуты ожидания рассвета, когда, как нам казалось, так или иначе должна была решиться участь 23 жизней.

Около 8 ч. начал брезжить первый свет начинавшегося хмурого и бурного полярного дня. Когда немного рассвело, стало наконец возможным наблюдать всю картину разрушения, произведенного штурмом за ночь на судне. Печальный был вид, в особенности на корму. Отвалившись, она немного торчала из воды, ежеминутно покрываемая и сотрясаемая бушующей стихией; невеселые мысли рождались в голове и от созерцания того, что было у нас под ногами в качестве маленького островка, бывшим нашим единственным покуда спасением. Но и его дни и часы повидимому были сочтены: наружная обшивка и палуба во многих местах от постоянного напора волн и периодических водяных ударов получили зловещие трещины. Нужно было, значит, ожидать, что носовая часть скоро развалится, отдав нас давно ожидающей холодной пучине, носившей с подветренной стороны много обломков парохода. Вывалившийся наружу каменный уголь окрашивал воду в темно-серый цвет.

Еще до полного рассвета, среди сумрака, когда мы стояли на палубе, окатываемые с ног до головы водой, я решил искать местечка посуше и, вспомнив про маленькую каморку, где у нас хранилось разное масло, кое как, напрягая свою ловкость, подражая акробату, добрался до нее.

Здесь оказалось уже целое общество: 3-й механик, боцман и матрос взобрались ногами на жестянки с маслом, скрючились туловищами под низеньким подволоком и в таком

отменно удобном положении коротали свой досуг. С большим трудом, вероятно проклинаемый в душе многими коллегам'и втолкнулся и я к ним, но, постояв с полчаса по вышеописанному способу, снова вышел на палубу, тем более, что интересовался всем там происходящим.

К 10 ч. утра, когда стало уже совсем светло, начал, к нашему приятному изумлению, стихать понемногу шторм. Когда он утих настолько, что можно было, улучив удобную минуту, перебежать не держась с одной стороны палубы на другую, несколько человек пробрались на носовую часть судна и укрылись там в помещении для команды, куда до сих пор не было доступа. Я решил последовать их примеру и вот, в то время, как я, подняв железный люк, запиравший водонепроницаемый вход вниз, начал спускаться по трапу, поддерживая над головой опускавшийся люк, — последний, неожиданно перебежавшей через палубу волной, с силой был брошен и придавлен на место, при чем я получил глубокую рану на левой руке. Кое как перевязав ее найденными тряпками, я опустился затем далее вниз и обошел внутри, насколько это было возможно, оставшуюся часть парохода. Большинство помещений оказалось разрушенными волнами. Кочегарка была полна водой с расбросанными повсюду обломками того, что в ней находилось. В матросском помещении было еще довольно сухо и там собралась почти вся команда, мокрая с ног до головы и едва двигавшая окоченевшими членами. Для того, чтобы отогреться, попробовали затопить печь. Это вначале удалось и наше общество ожило и повеселело, но ненадолго; перекинулась волна и, забравшись в трубу, потушила огонь, заставив нас снова мерзнуть и ежиться в сырой одежде. Настроение не могло быть хорошим: сидели молча, т. к. никому не хотелось говорить. Кое-кто шарил и собирал по углам свое расбросанное водою имущество, главным образом платье. Некоторые тут же надевали на себя найденные теплые вещи, не обращая внимания на их мокрое состояние — выжимали влагу и напяливали, имея в виду всякие случайности впереди, а главным образом полярный холод. Судовой плотник дал мне пару своих теплых

чулок из шерсти, которые я, отжав, натянул на озябшие ноги. Мое же платье в это время уже безвозвратно погибло вместе с кормой, где была моя и вообще все офицерские каюты.

Но и в этом убежище мы себя не чувствовали спокойно. Стены ее временами, под напором волн, колебались и трещали, постоянно напоминая нам о ненадежности нашего положения здесь. При каждой перекатившейся по верху волне из щелей потолка и стен сыпались густо на нас, и так уже мокрых, брызги холодной воды, подчас превращавшиеся в настоящие струи. Но все же здесь было лучше, чем наверху, где был ежесекундный риск совершить полет за борт с каким нибудь неожиданно сильным валом, не успев по дороге ухватиться за какое либо спасительное препятствие. Да по правде сказать и сил то уж мало было в окоченелых руках, вряд ли бывших в состоянии крепко держать что либо.

III.

В то время, как мы так сидели, мрачными мыслями пронизывая возможное будущее, пришел сверху тот матрос, что сидел с боцманом и 3-механиком в масляной каморке, сообщивший нам печальную весть о том, что морем взята уже вторая жертва и что нет в живых 3-го механика. Он и матрос пробираясь из каморки к нам, были застигнуты на палубе волной, всей своей массой обрушившейся на погибшего и смывшей его за борт.

Вскоре после этого печального известия я решил подняться на палубу, т. к. меня занимала мысль о происходившем наверху. Затем хотелось попытать снова счастья и чем либо сигнализировать о нашем бедствии. Нужно было снова пробираться с носа на мостик, проходя самое опасное место, только что подтвердившее эту свою репутацию. Волны свободно перекидывались через него с одной стороны на другую. Нужно было выбирать момент и вот, в интервале между двумя валами, я промчался по скользкой палубе и благополучно достиг мостика. Капитан был здесь и на мое пред-

ложение сигнализировать, ответил, что и он пришел к этому решению. Выбрали флаги, обозначавшие «терпим бедствие», и я полез с ними по вантам единственной оставшейся мачты наверх, ежеминутно рискуя очутиться вместе с нею, еле державшейся, за бортом. Т. к. все флаг-лини были порваны, то флаги пришлось привязать непосредственно к вантам. Закрепив их, спустился на мостик к капитану, стоявшему у штурманской рубки и вместе с ним начали ожидать, что кто нибудь быть может нас теперь и заметит. Все наши мысли, все разговоры с ним вертелись исключительно около этого томительного ожидания.

К полудню шторм снова начал усиливаться. Океан ревел во всю и яростными волнами колотил то, что еще оставалось от нашего судна, все более расшатывая нашу последнюю опору. Все трещало под ногами от ударов. Швы везде расходились все больше и больше. В палубе между досками настила появились новые зловещие трещины, откуда при каждой волне, забегавшей внутрь судна, выбрасывались целые фонтаны. Наши товарищи, забравшиеся в носовое помещение, теперь были отрезаны от нас, бывших на мостике. Мы ясно могли видеть, что положение их было тяжелым. Море по временам совершенно погребало под массой воды всю носовую часть и мы, думая о их участи, начинали самым серьезным образом опасаться за их жизнь: люк, запиравший вход, был открыт и они все свободно могли утонуть там, внутри судна, где как раз искали спасения. В этом страшном беспокойстве за них и нервном напряжении, мы, бывшие на мостике—я, капитан и еще два или три человека—дождались вечера, когда к нам, после нечеловеческих усилий и риска, по одному добрались наши узники с носа. От них мы узнали, что опасения за их жизнь не были напрасными: вначале сидеть было тяжело, а под конец стало просто невозможно. Вода заполнила все помещение. Чтобы спастись, они полезли наверх на койки, но после того, как на глазах у всех, тут же в помещении, утонули матросы В. Крууз и К. Эрик и кочегар Брауверк—оставшиеся живыми решили, чего бы это ни стоило, выбраться отсюда и добраться до

мостика. Это удалось всем, за исключением старшего механика Руд. Терпеля. Не успев перебежать опасное место, он остался на баке и, чтобы спастись от волн, взлез на брашпиль и, стоя на нем, держась руками за железный штаг мачты, наклонно проходившей над брашпилем,—звал к себе на помощь. Его судьба решилась на глазах у всех. Он звал нас, но звуки его голоса еле-еле урывками долетали до наших ушей, заглушаемые воем ветра и океана. Положение было критическое. Налетавшие волны срывали его с брашпиля и я с капитаном, содрогаясь от ужаса за его участь, видели, как он, держась руками за штаг, раскачивался волнами точно маятник. Я хотел бросить ему конец с тем, чтобы он, обвязав его вокруг тела, позволил притянуть себя к мостику. Мне помогал капитан, но выполнить наше намерение было невозможно. Сколько мы не бросали ему конец веревки—последний тотчас уносился за борт, подхватываемый переливавшейся водой. Да и самим нам приходилось все время быть на чеку: в один момент я, размахнувшись веревкою, был сбит с ног волною и покатился по палубе вместе с водой за борт, но успел по дороге обхватить руками какую то стойку и тем спасся. Находиться на палубе становилось крайне опасно и мы с капитаном ушли к мостику. Механик еле держался на своем месте. Но вот громадная волна скрыла от наших взоров весь бак и когда она пронеслась, тяжелый вздох вырвался из всех грудей—механика уже никто не видел: он исчез в море вместе с волной и вероятно долго плавал в нем, опоясанный спасательным кругом, покуда не окоченел и не захлебнулся в ледяной воде.

Все молчали. Каждый думал одну общую мысль: каждого из нас ждет и не дождется море и никому не миновать участи только что погибшего товарища. На что надеяться? Откуда можно еще ожидать спасения?

Быстро темнело и скоро наступила ночь. Я и капитан направились в камбуз, куда залезла вскоре и вся команда. Всем было холодно, хотелось согреться. Умудрились развести огонь в печи. Ясно ощущалось чувство острого голода, но есть было нечего—все погибло с кормой. Все же нашли

в камбузе 7 сырых картофелин. Разрезали их на кусочки, поджарили в собственном соку на сковороде и съели. Каждому досталось по 2 кусочка. Подогрели пресную воду из бочёнка, спасенного мною из разбитой шлюпки, — и выпили ее вместо чая, чтобы влить внутрь немного тепла. Настроение царило мрачное, разговаривали мало. Временами нервно выбегали на мостик и жадно всматривались в ночной сумрак, наполненный воем все усиливавшегося шторма, тщетно пытаясь усмотреть какой либо спасательный огонек. Но в душе почти совсем не верили, чтобы кто-либо мог нас заметить в этом пустынном месте. А положение становилось все хуже и хуже и новые опасности росли по минутам. Так, большая дымовая труба, у которой оборвались штаги, раскачивалась во все стороны, собираясь упасть и разрушить мостик — наше последнее убежище, — искалечив его обитателей. Но этого к счастью не произошло, т. к. часов в 9—10 вечера шторм понемногу начал стихать, волны реже перекатывались через судно и на палубе даже появились места свободные от воды.

Решили снова начать огневую сигнализацию: зажгли большой костер из найденной смоляной бочки и разных деревянных обломков судна, обливая все это предварительно смазочным маслом, керосином и проч. Ночью очистилось небо и с его холодной глубины на нас равнодушно смотрели звезды—единственные посторонние зрители нашего бедственного положения.

Несмотря на громадный костер, верхушкой своего пламени достигавшей средины мачты—нас все-таки никто не замечал, и тщетно силились мы своими напряженными взорами отметить хоть что нибудь подающее надежду на помощь. От нервного напряжения начались галлюцинации: так те, кто сидел на вантах и осматривал горизонт, несколько раз утверждали, что ясно видят мелькающий в волнах огонь, но сколько я и капитан ни смотрели по указываемому направлению — так ничего и не могли различить в густой тьме, окружавшей судно, хотя огонь Орловского маяка, бывшего от нас в 15 — 20 верстах, мог быть нам виден.

Покуда горел огонь, команда собралась к нему поближе, теснясь к самому огню, чтобы согреть продрогшее от непрерывного купанья тело и хоть немного высушить мокрую одежду. Снимали с ног для просушки и обувь и отметили при этом, что ноги от холодной ванны начали уже пухнуть. Онемевшие члены совали прямо в огонь и так грелись часов до 4-х утра, когда снова засвежел ветер и волны, потушив наш костер, загнали всех нас в камбуз. Здесь ожидала новая неприятность: море, бившееся внутри судна, разворотило понемногу пол камбуза; между досками, прыгавшими вверх от удара волн, образовались щели, из которых временами вздымались целые фонтаны, отравлявшие нам все существование. А тут еще и пол грозил развалиться и отправить нас в трюм, где разумеется представлялась полная возможность утонуть. Быстро решили что делать: притащили сообща толстые доски, наложили их на щели и, чтобы их не отрывало от пола, уперли стойками в потолок. После этих мероприятий в камбузе водворилось некоторое спокойствие, позволившее даже кой кому вздремнуть, после всех перенесенных испытаний и в ожидании грядущих,—не стесняясь тем, что отдыхать можно было только сидя на корточках. Но это не могло считаться препятствием сну и мы довольно благополучно продремали так до утра, набившись тесно в камбуз. Случалось впрочем, что вода внезапно пробив пол, обливала кого нибудь из спящих и последний в испуге громко вскрикивал, воображая вероятно в дремоте, что уже гибнет.

К утру ветер начал стихать и море несколько умерило свою ярость. Занялся тусклый день и в предрассветном сумраке понемногу вырисовывались своими подробностями наши фигуры, сидевшие на полу, с измученными лицами, покрытыми слоем морской соли, осевшей белым налетом на всем, что было смочено водой. Вместе с рассветом, принесшим уменьшение шторма, опять у всех закопошились, казавшиеся погасшими, надежды на спасение. Снова все высыпали на палубу, полезли на ванты и жадными измученными взорами начали сторожить горизонт и искать ка-

кую нибудь точку, которую можно было принять за идущую помощь. Но ничего нигде не показывалось. В душу заползало змеей отчаяние, а мысль все больше и больше вертелась на том, что необходимо пытаться из создавшегося положения, близкого к трагической развязке, выходить собственными усилиями. Тем более укрепляло нас в этом созревающем решении сознание близости берега. Мы знали направление на него и даже как будто, когда совсем стало светло, он, этот спасательный берег, чуть видной туманной полосой вырисовывался на горизонте.

К этому времени шестеро из команды уже погибли и живых оставалось 18 человек. Никаких средств спасения, исключая чудом уцелевшую старую шлюпку, могшую поднять пятерых,—у нас не было. Для остальных тринадцати нужно было что нибудь изобретать и строить. Что же можно было выдумать другое, кроме плота, заслужившего уже с незапамятных времен почетное звание спасителя гибнувших. И вот, из всего, что только попадалось под руку деревянного: разных досок, целых люков, трапов и просто обломков — спешно начал сооружаться плот—опора наших надежд. Живо кипела работа: подносился материал, все связывалось веревками и по величине глазомерно рассчитывалось для подъема тринадцати человеческих тел. Попутно выяснялся вопрос: что же взять с собой в качестве пищи? Таковой, в собственном смысле, у нас не было с тех пор, как мы уничтожили экипажем семь картофелин. Брать казалось в путешествие было нечего. Но 2-ой пом. капитана предложил в нашем положении не брезговать вареным маслом, в достаточном количестве сохранившимся в масляной каморке. К маслу присовокупили грязное сырое сало для смазки блоков, после чего положение наше в смысле пищи было признано обеспеченным и желать большего—значило бы обнаруживать в себе выходившие за пределы скромности вкус и аппетит. Оставалось озаботиться о питье. Пресной воды был у нас всего один боченок, предусмотрительно спасенный мною из разбитой шлюпки, несмотря на его некорректное отношение с некоторыми из моих товарищей, которых он основательно

разбил при падении. Больше воды не было и приходилось ограничить себя этим количеством. Кроме провизии собирали и забирали все, что могло пригодиться нам в путешествии: взяли судовой компас, оказавшийся затем испорченным, захватили все имевшиеся веревки, также ведра и жестянные банки из под масла для отлива воды. На случай надобности сигналов я хотел взять судовой колокол, но сколько ни старался—не мог его оторвать. Капитан Юргенс распределил всех—кто сядет в шлюпку, кто поместится на плот. Предполагалось, что шлюпка, как вооруженная средствами передвижения—четырьмя веслами, поведет на буксире плот, с которым будет поочередно обмениваться командою гребцов, чтобы дать возможность обогреться тем, кто, сидя на плоту, был обречен печальной участи холодного купанья.

Все наконец было готово: плот и сборы. Так как шансов на благополучный исход нашего предприятия было мало, то чтобы не пропасть окончательно бесследно, мы на стенах рубки и каморки, карандашом и краской, записали на всякий случай сколько нас съехало с парохода, причину его гибели, затем наши адреса и имена. Теперь можно было спускать нашу флотилию на воду и садиться. Чтобы избежать лишнего груза, капитан в последнюю минуту произвел осмотр того, что каждый брал с собой, и несмотря на воркотню некоторых, заставил их, увлекшихся слишком детальным спасением своего хлама, часть его оставить на борту парохода. Общими дружными усилиями подняли плот и на веревках осторожно спустили его за борт в воду. Спущенную предварительно до уровня борта шлюпку, нагрузили нашими скудными припасами и опустили дальше на воду вниз, вместе с человеком, не позволявшим ей биться о корпус, к чему она имела большое поползновение, несмотря на подветренную сторону спуска. Наконец, наступил и самый торжественный момент посадки и оставления *Ормесби*. Все снова надели на себя спасательные пояса, сушившиеся в камбузе. Один куда то исчез и его как раз не досталось капитану. Живо связали полотнища флагов, набили их бывшей в штурманской рубке пробкой, и пояс для капитана

был готов. В последнюю как раз минуту я вспомнил, что забыл захватить мешок из под матраса, найденного мною выброшенным из кубрика и опорожненного от набивки. Его я хотел взять, чтобы ночью в море в случае надобности, облив керосином, зажечь в виде факела для сигнала. Поискав, я заметил его неожиданно, уже намотанным на шею в качестве шарфа, у нашего юнги ученика Петрогр. Уч. Дальнего Плавания, Мясникова (после погибшего)—и не стал требовать.

Как это ни странно, но когда подошла последняя минута разлуки с тем обломком, что остался от нашего транспорта, из за прекрасного состояния которого шестерых уже не существовало в живых, а остальные восемнадцать готовились разделить их участь,—все же в этот последний момент нам стало жаль нашего парохода, с которым мы уже сроднились своими страданиями. И вот всех потянуло еще раз обойти его и сказать последнее «прости». Пошел и я, и встретил одиноко стоявшего капитана, на лице у которого прочел скорбное выражение волновавших его чувств. «Вот, разве мы могли расчитывать очутиться в таком положении?»— сказал он с горечью и ушел прочь.

Приступили к посадке людей. По веревке, висевшей над шлюпкой по борту, начали спускаться в шлюпку, чтобы оттуда перейти на плот. Смотря на процедуру спуска, я удивлялся: почему это почти все так плохо спускаются по веревке, точно падают. Однако, когда подошла и моя очередь лезть за борт,—я, испытав общую участь и шлепнувшись в шлюпку, понял, что от двухдневного голода и холода силы сбавилось порядочно в мышцах. А впереди предстояла трудная и длительная физическая работа.

Не успели мы покинуть борт транспорта, как нам пришлось сильно разочароваться: наш плот, на который мы возлагали столько сладких надежд, отказался поднять даже пятерых и начал под их тяжестью погружаться в воду. Получилось тягостное положение, повергшее в прах наши мечты о спасении. Обсудив его, мы приняли следующее решение: т. к. всех забрать нашими средствами оказалось

невозможно,—на берег отправится одна шлюпка, не связанная таким тормазом, как плот. Без него она гораздо быстрее достигнет суши и вышлет оставшимся помощь. Капитан предложил мне ехать начальником этой экспедиции и предоставил выбрать себе товарищей по моему усмотрению. Я остановился на четырех самых надежных по моему мнению, решив взять: 2-го механика П. Яреца, боцмана Г. Венцеля, кочегара А. Каска и матроса У. Вассермана.

Покончив с выбором, выгрузили из шлюпки часть уложенной туда раньше, нашей, так сказать, «провизии», т. е. масла и сала, для тех, кто оставался на судне. Затем отделили им часть пресной воды и, когда все было готово, распрощались с нашими товарищами, не зная—увидим ли мы их еще живыми. Нам, стоявшим уже в шлюпке, кричали все сверху, чтобы мы скорее спешили добираться до берега и выслали бы с теми, кто придет для спасения, хлеба. По тоскующим, печальным лицам остававшихся, по нервозности пожеланий ими нам полного успеха, с которым было связано столько жизней,—могли мы догадываться, что должно было происходить в душах тех, кто принужден был вверить свое существование шаткой развалине, бывшей под ногами и грозившей ежеминутно разрушиться окончательно.

Около полудня мы отвалили от транспорта, ясно ощущая биение и трепет тринадцати сердец и сознавая, что являемся единственной опорой всех их надежд. С этого момента мы были вручены только своему счастью.

Отойдя от парохода, мы обошли его с кормы. С шлюпки вид был еще печальнее, чем сверху: переборка машинного отделения была разрушена волнами и открывала всю внутренность машинного отделения. Отвалившаяся корма чуть еще возвышалась над поверхностью воды, в это время уже довольно спокойной.

После этого обзора навалились на весла, взяли направление на берег и думали достичь его к вечеру этого же дня. Старая наша шлюпка, как и следовало ожидать, давала сильную течь и одному из нас все время приходилось отли-

вать банкой из под консервов прибывавшую воду. Это непредвиденное обстоятельство понизило наше настроение и поселило некоторое сомнение в успехе, и так уже находившемся под большим сомнением. Но остановить нас оно не могло и мы усиленно гребли, переменяя уставших гребцов с тем, кто сидел на руле;—он же отливал и воду. Подвигались медленно и работали веслами с большим трудом: мешала большая волна, были тяжелы весла, а главное заключалось в том, что сами мы уже достаточно обессилели. Все больше и больше отходил в даль оставленный нами инвалид-транспорт. До самой темноты его туманный силуэт вырисовывался на горизонте, пока наконец не слился с сумраком надвигавшейся ночи. Компас наш был испорчен и держать направление приходилось соображаясь с ветром, замечая под каким углом дует он на шлюпку и стараясь этот угол держать таким, каким он был при отплытии с транспорта. Разумеется это могло быть сравнительно правильным руководством в предположении того, что ветер оставался постоянным. В туманную погоду, когда днем не было солнца, а ночью звезд, этот способ ориентировки среди океана был единственным.

К вечеру небо стало немного проясняться и мы увидели его темную синеву, и по блестящим на нем далеким светилам поверили наш курс. Но чем больше вступала в свои права ночь, тем становилось облачнее и пасмурнее. Закрылось снова сплошь небо и засвежел ветер. Мы уже чуть не полсуток гребли, а берега все не было, сил же оставалось немного. Установили порядок, по которому трое гребли, один правил и выливал воду, выполняя функции водоотливного механизма, и один, наконец, по очереди спал. Так прогребли всю ночь, блуждая во мраке и тумане. Иногда расстроенное воображение заставляло принимать расстилавшуюся впереди мглу за страстно ожидаемый берег. Как все принимались тогда работать, как налегали на весла, собирая все, что оставалось еще в мускулах. Но проходило время и появившаяся надежда заменялась горьким разочарованием и сознанием общей ошибки. Заколдованный берег не стано-

вился ближе, а все уплывал и уплывал при нашем приближении или исчезал даже совершенно с тем, чтобы появиться снова для нового волнения.... Мы галлюцинировали.

Настало, наконец и утро,—сумрачное, туманное, ничего нам не принесшее. Нигде наши взоры не могли заметить земли. А мы гребли и гребли и думали..... а вдруг ветер изменил за ночь свое направление? Как тогда ориентироваться, с какой стороны искать сушу? И не бесплодно ли мы в настоящую минуту теряем наши последние силы, быть может даже удаляясь от нее?... Показалось около полудня солнце, прекратило наше волнение и подтвердило, что ветер нас пока не обманул, т. к. дневное светило оказалось на своем месте и мы до самого вечера держали его, как это было нужно, на левом борту.

Начало темнеть и вдруг на горизонте показалась полоса, около которой плавал лед, наполнивший своим видом наши души радостью. Неужели это берег?.. И как странно: судя по ветру его здесь не должно было быть. Но сомнениям не оставалось места: ясно видны были заливы и сквозь пелену тумана вырисовывалось что то похожее на горы.

Заработали весла и быстро полетела с волны на волну, в направлении земли, шлюпка. Сквозь все более и более сгущавшуюся тьму нам даже казалось присутствие в желанной стороне какого то робко светившего огонька. Но вот над головой ярко заблистал звездный узор. Снова мы начали, читая его, определять правильность нашего курса и по Полярной Звезде тотчас же с отчаянием убедились, что и на этот раз ошиблись: там, куда мы гребли, земли быть не могло, а то, что мы видели—был мираж, продукт нашей нервной напряженности.

Похоронили опять наши надежды. Весла вывалились из рук и почувствовался страшный упадок сил. Организм требовал отдыха, а тело, продрогшее в сырой одежде—тепла. Решили отдыхать и греться. К бортам шлюпки веревками притянули за ушки широкий жестяной бак так, чтобы он, вися в воздухе, не касался дна. На этом баке развели огонь и поддерживали его пробками из спасательных кругов. Много топлива не имелось да и жалеть не приходилось круги, т.к.

если бы с ними и очутились в волнах, то все равно не спаслись бы в ледяной воде.

Пробка дымила и коптила, но мы, не обращая на это внимания, жались к огню, стремясь отогреть коченеющее тело. В другой жестянке согрели немного пресной воды и выпили вместо чая. Отогревшись немного снаружи и внутри, вернулись к прерванной работе, несколько изменив прежний порядок: теперь двое сидели на веслах, один на руле, и двое спали. Смена очередей велась через два часа.

Прошла еще одна томительная ночь и наступило утро 1-го ноября. Погода к нашей радости обещала быть ясной и с восходом солнца мы снова взяли правильное направление. На этот раз счастье нам улыбнулось: через полчаса работы после восхода, на ясном горизонте, верстах в 4-5 от нас, ясно различался, и всем одинаково в подробностях, высокий массив Мурманского берега, покрытого снегом, из под которого местами проглядывали резкие, темные пятна грунта.

Радостными возгласами приветствовали мы близкую цель нашего путешествия, в реальности которой убеждались все более и более, различая по мере нашего приближения и непрерывную, прибрежную полосу плавучего льда, шириною около 2 верст. Нигде сквозь нее не было свободного подступа к берегу и мы убедились, что придется очевидно пробиваться шлюпкой сквозь лед. Держа прямо на землю, скоро достигли и льда. Вначале он был мелкий, вроде каши, и шлюпка, хоть и с трудом, но двигалась довольно успешно сквозь него. Пройдя кашу натолкнулись на мелкие, отдельные льдины. Думали, что здесь сейчас же и станем, но против ожидания начали продвигаться даже быстрее чем по каше. До берега оставалось всего каких нибудь $1^1/_2$—2 версты. Льдины все увеличивались и увеличивались в размерах, плавали все гуще и гуще и становилось очень трудно протискивать между ними шлюпку. Мы напрягали последние силы, распихивая куски льда в стороны веслами и кое-как проталкивались вперед. К полдню всего верста разделяла нас и сушу, манившую так своею близостью. Но лед все густел, а силы быстро иссякали, а скоро и совсем нас оставили. Озябшие руки не

держали весел. Мы стали и больше вперед двинуться не могли ни на шаг,—ни на лодке, ни по льду, который не держал тяжести тела. Не верилось, чтобы после стольких страданий на краю гибели, совсем у берега, близость которого мы так ясно ощущали и к чему так мучительно стремились,—нам не суждено было почувствовать его под ногами. Но вместе с тем мы сознавали, что дальше двинуться несможем. Все упали духом и молча сидели, сосредоточенно смотря на раздражавшую своей близостью землю и ожидая, что быть может кто нибудь нас заметит оттуда и придет на помощь. Но все было напрасно и ни одно существо не нарушило гармонию пустынности берега, куда нам не суждено было очевидно ступить. Опять спустилась на нас полярная ночь, с ее яркими звездами в бездонной глубине темно-синего купола. Усталые нравственно и физически, дрожащие от холода, зажгли мы снова костер из пробки и сели впятером вокруг, держа руки на огонь. Некоторые сейчас же крепко задремали, согретые теплотой костра. Боцман заснул так, что проснулся лишь тогда, когда у него на коленях загорелись брюки. Открыв глаза он спокойно и флегматично руками потушил горевшие коленки и не прошло минуты, как захрапел снова. Другие среди сна падали прямо в огонь, обжигая себе лицо и руки, моментально вскакивали, схватываясь за обожженное место, терли его и присаживались опять к огню для повторения той же истории.

IV.

Так как топлива у нас в виде спасательных кругов было немного и мы не знали, долго ли еще придется болтаться по океану, то из экономии огонь поддерживался не всю ночь, а всего часа три или четыре. Временами мы подавали сигналы о своем присутствии во льду: жгли пропитанные керосином тряпки, поднимая их кверху на весле. От дыма пробок и тряпок все в конце концов так закоптились, что стали похожи на чернокожих.

Потух огонь и нас охватила морозная атмосфера. Было впрочем не очень холодно, всего 4°—5°, но эта незначитель-

ная температура переносилась с трудом, благодаря сырой одежде, не успевавшей просохнуть. Но ни сырость платья, ни холод не могли помешать нам отдыхать после измотавшей мускулы работы и мы так же крепко спали, покрытые мраком и холодом полярной ночи, как и при костре.

Ночью я проснулся от какого то шума и, осмотревшись, тотчас же сообразил, что положение наше грозило ухудшиться. Затишье кончилось и подул довольно свежий ветер, взявший направление от берега в море. Неподвижное и молчаливое — как только может быть молчаливым среди полярной ночи, ледяное поле вдруг ожило и зашевелилось. Вокруг шлюпки слышалось характерное шуршанье двигавшегося мелкого льда и ломались напиравшие и налезавшие друг на друга льдинки и вся эта масса, крепко державшая нас, медленно уплывала в глубь океана, отделившись от заколдованного для нас берега.

Товарищи также давно уже проснулись и, поняв в чем дело, молчаливо созерцали происходившее, полные сознания надвигавшейся новой грозной опасности. Перспектива быть унесенными в безграничный простор океана оставляла мало места для каких либо, даже самых слабых, оптимистических настроений. Ясно было, что нас ожидает там, куда мы против нашей воли, обессиленные всем предыдущим, неслись в эту ясную северную ночь, смотревшую на мир миллионами светлых мерцающих очей. Пришел рассвет, заставший нас уже в открытом море, среди редкого плавучего льда. Берега, разумеется, нигде не было видно. Погода немного нахмурилась и временами падал редкий снег. После отдыха прибавились силы, как то окреп дух и несмотря на беспредельные пространства вод, открывавшиеся взору, и, казалось, этой беспредельностью подтверждавшие безысходность нашего положения, — мы все же решили искать сушу. Призвали снова ветер в качестве компаса, взяли весла и пустились наудачу, испытывая собственное счастье для того, чтобы проработав довольно долгое время, удивиться тому, что оно нам улыбается. Короче сказать, к нашей радости мы увидели на горизонте очертания неведомой нам земли и быстро начали

грести в ее направлении, боясь в глубине души, как бы не пришлось убедиться в ошибке нашего зрения, заставившего радоваться миражу. Но укорачивающееся расстояние мало по малу рассеяло наши опасения с этой стороны, — зато мы увидели, что между нами и берегом опять протянулась проклятая ледяная масса, чуть раз нас не погубившая. Подъехав вплотную к ледяному полю, долго шли мы вдоль его края, ища или совсем свободного подступа, или хотя бы более узкого места. То казалось, что недалеко впереди как раз есть таковое — мы мчались туда и, убедившись в ошибке, тотчас же совершали новую. Целый день бились мы таким образом и, потратив массу энергии, не достигли никакого результата, нигде не найдя удобного для подхода к суше места. Силы начали резко падать и опять закопошилось улегшееся было отчаяние, тем более, что стало быстро темнеть, а ветер все крепчал и крепчал к ночи и разразился наконец снегом. Созрело решение ломиться прямо через лед: врезались в него шлюпкой, гребли, пропихивались веслами среди льдин, изнемогая в борьбе с препятствием, пока наконец, вымотав окончательно последние силы, не признали себя побежденными ледяным полем, крепко ущемившим шлюпку в своих объятиях.

Предстоял ночлег во льду. Так как можно было опасаться, что ночью шлюпка, попав между льдинами, может быть ими раздавлена, то мы предусмотрительно оградили себя от этой возможности и, собрав последние усилия, вытянули шлюпку на большую плоскую льдину, после чего залезли внутрь нашего утлого убежища, готовясь провести новую ночь страданий. Очень хотелось есть, но утолять голода было нечем, а до масла и сала, как ни мучительно ощущалась внутри пустота, мы еще не решались прикасаться. Кто то предложил есть снег, — и вот мы начали набивать им рот и проглатывать сжатые руками комочки — все-таки получалось впечатление процесса насыщения. С момента осуществления этой внезапно осенившей одного из нас идеи, снег сделался для нас единственной пищей в течение долгих дней нашего скитания на границе жизни и смерти.

После снегоедения холод особенно давал себя чувствовать. Вместе с тем страшно клонило ко сну. Развели на пробках костер и, погревшись, посушившись, легли спать. Всю ночь кругом двигалось, скрипело, шуршало и ломалось ледяное поле, по которому ходили свои ледяные волны, поднимавшиеся волновавшимся под корой морем. Но шлюпка наша, а в ней мы—благополучно достояли на льдине до утра. А утро вышло пасмурным и снежным и не радовало нас. Снова позавтракали снегом. Осмотревшись кругом, замечали во все стороны до горизонта шероховатую ледяную поверхность и ничего более. Ни нашего берега, что мы видели вчера так сравнительно близко, ни свободной воды — нигде не было. Повидимому, нас опять незаметно, вместе с полем, унесло от земли.

Захотели испробовать, — нельзя ли путешествовать прямо по льду? Попытались, но получился отрицательный результат: лед не держал тяжести, т. к. его куски были мелки и неустойчивы, да к тому же стояла зыбь и под ледяным полем ходили все время волны.

В желудках, несмотря на снег, была томительная, мучающая пустота, почему мы в конце концов обратили внимание на наши продукты. С мужеством отчаяния я и товарищи откусили вонючего грязного сала, но проглотить его никто не смог, такое оно было отвратительное на вкус. Потерпев неудачу с салом, взялись за вареное масло. Но и тут ни один глоток его не пошел в глотку. После этих неудавшихся, к нашему огорчению, опытов, жестянки с их прекрасным содержимым решительно и без сожаления были выброшены за борт на лед и мы согласны были скорее умереть, чем согласиться еще раз пробовать эту гадость. Будем уж лучше есть наш снег. И озябшими руками, еле забиравшими и сжимавшими в комочки, для удобства употребления, мокрый снег, мы начали снова им насыщаться, покуда страшно не озябли.

Весь этот день прошел в том, что мы то путешествовали вокруг нашей льдины, пробуя пробираться по льду, то собирались к шлюпке, садясь с подветренной ее стороны, по два или все вместе, прижимаясь друг к другу, чтобы было теплее.

Когда особенно сильно давал знать о себе пустой желудок, собирали и ели снег. Погода до самого вечера была пасмурной, кое когда шел снег. Ни солнца, ни звезд не было видно и ориентироваться в пространстве было не по чем. На ночь залезли в шлюпку, захватили с собой ведро снега и ели его, думая, что ужинаем, до тех пор пока не заснули, прижавшись друг к другу. Просыпаясь ночью, заметили, что лед передвигается, но при отсутствии средств ориентации, нельзя было понять направление его движения.

Настроение граничило с тоской и отчаянием. Больше все молчали. Лишь изредка принимались мечтать о недоступных радостях жизни. Каждый выражал свое особенное желание: кто жаждал только попасть на берег, другой видел предел счастья в кусочке хлеба, третий в трубке табаку или глотке воды и т. п. Это невинное занятие немного отвлекало мысли от печального созерцания действительности и развлекало нас. Впрочем, как ни было тяжело и грустно, все же у всех теплилась маленькая надежда на то, что в конце концов наши мытарства закончатся и мы почувствуем под ногами твердую почву.

Так болтались мы на льдине, среди неизвестно куда плывшего льда, ночь и начало следующего дня. Приблизительно около полудня совершенно неожиданно увидели какой то берег. Не верили даже своим глазам, так ошеломило и обрадовало нас его внезапное появление. Что это за земля, мы не знали и только дождавшись ночи, показавшей нам звезды, мы по последним смогли установить свое географическое положение—это был восточный берег Белого моря—Канинский полуостров.

Ночь провели в шлюпке, где очень мерзли, т. к. было холодно. Разложили костер, но ненадолго: запасы пробки кончались и нужно было соблюдать экономию. С утра стала ясная солнечная погода. До земли было верст 8 расстояния и нас несло вдоль нее к северу.

Временами нам случалось подходить к берегу ближе, и тогда мы пытались снова перейти по льду, но по прежнему терпели неудачу. Явилась мысль о сигнализации: на весле

подняли сажени на три вверх флаг и долго ожидали признаков какого либо движения на берегу, скользя по нем напряженными взорами и чувствуя биение сердца. Наши темные, закоптевшие физиономии, обращенные все время в одну сторону, несмотря на гримм, ясно отражали и отчаяние и сменявшую его надежду, которая опять переходила в отчаяние. Все же близость земли действовала благотворно и надежда побеждала. Не верилось, что и на этот раз земля опять ускользнет от нас и мы не будем освобождены от своего ледяного плена. И под влиянием уверенности в нашем счастии, мы стали бодрее духом, ожили и даже шутили, ни на секунду не отрывая глаз от берега. И вдруг, чуть не все разом вскричали от радости, просиявшей на наших черных задымленных лицах: далеко на горизонте, там, где ясно виднелся широкий морской залив, у берега, непосредственно над морем, протянулся сперва струйкой дым, а затем показался и пароход.

Облегченно вздохнули наши груди: все позади, мы замечены и уже идут спасать. — Это была единственная мысль, вмещавшаяся в эту минуту в наше сознание.

Уверенность нашла себе, казалось, прочное основание в том, что по нашим наблюдениям, дым стал как будто приближаться. Долго и мучительно-напряженно ожидали мы на своей льдине этого приближения, но пароход точно застыл на одном месте. Быть может он, так же как и мы, застрял во льдах и еле еле пробивается сквозь их толщу—вертелось в голове успокаивающее тревогу предположение. Но вместе с тем замирало сердце, что-то сдавливало горло, и в этом замирании прошел наконец и день. Вот уже и вечер, не видно даже и дыма. Еще больше заныла и заворочалась в груди тоска, но и надежда, так ярко было вспыхнувшая, не сдается пока, и ее, хотя и слабый уже голос, твердит: подождите, покрепитесь до завтра. Пароход вас спасет.

Спустилась новая ночь. Опять мы залезли в шлюпку и, поев снега, тесно сжавшись в кучу для теплоты, крепко заснули в тяжелой истоме не замечая холода. На утро радость: дым виден снова и как будто даже яснее и ближе,

чем вчера. Опять нервная дрожь ожидания .. и в конце концов горькая истина установлена очевидно: он, наоборот, уходит от нас, скрываясь и бледнея за горизонтом, на фоне бледно-свинцового неба. И по мере того, как в дали океана таяла его темная струйка, вместе с ней таяли и наши мечты быть наконец спасенными.

Итак мы опять одиноки на своей льдине. Вокруг—пустота и утомляющее однообразие полярного моря, казавшегося нам в эту горькую минуту не только равнодушным к нашему бедствию, но злым и точно насмехавшимся над нами, торжествовавшим от сознания своего мрачного могущества.

Впрочем ясно был виден и недоступный берег, на котором жили, думалось, счастливые люди, казавшиеся нам такими чуждыми, недоступными и далекими, так как не чаялось уж, что мы сможем когда нибудь вступить с ними в общение.

V.

Ледяное поле, крепко нас державшее, довольно быстро двигалось к северу, вдоль пустынного и однообразного берегового пейзажа. Это движение не могло быть приятным для нас: с результатами его мы уже достаточно ознакомились. Но волей неволей приходилось плыть туда, куда оно нас увлекало.

Томительное однообразие нашего подневольного плавания один раз было нарушено появлением большого тюленя. Недалеко от шлюпки, саженях в 10—15, из одной трещины вдруг показалась круглая черная голова, внимательно нас осмотревшая, с удивлением, но без испуга, так как вслед за этим на льду оказалось громадное темное туловище. Грузно повернувшись на бок и недолго наблюдав за нами, этот единственный живой свидетель нашего горя, соскользнул в свою трещину и скрылся под льдом. После снежного меню, ничем втечение уже нескольких дней не разнообразившегося и заведшего в желудке почти абсолютную пустоту,—перспектива получить к столу тюленье мясо показалась нам восхитительной. Оружия у нас не было, но можно было попытаться добыть его одними веслами. Вооружившись ими, мы

расселись вокруг отдушины, но сколько ни сторожили этого жителя полярных морей,—он уж более не показывался.

Так в утомительно однообразном томлении, ожидая какого нибудь чудесного спасения, шли мы вместе со льдом вдоль земли, к которой случалось подходить довольно близко. Увидев как то к нашей радости какую то одинокую, заброшенную хижину; мы воспрянули духом и долго провожали ее глазами, ожидая появления людей, которым все время сигнализировали флагом,—но оттуда никто не показывался. Очевидно, она была пуста.

В это время мы начали страдать от появившегося неприятного спутника—сильной опухоли лица и рук, сопровождавшейся значительной болью. У меня, впрочем, и у боцмана, к счастью, этого не замечалось, зато у бедного 2-го механика Яреха так сильно опухли конечности, что он еле мог двигаться. Матрос Вассерман также страдал от боли в опухших ногах; сняв сапоги он совал ноги в снег, утверждая, что чувствует значительное облегчение. Это неприятное явление было следствием холода и непрерывной сырости нашего платья и обуви, от которой, в условиях нашего путешествия, освободиться было немыслимо. Становилось несомненным, что если мы принуждены будем провести на льдине еще несколько дней, то жизненный вопрос будет решен одним только холодом.

Ясно было, что нужно употребить все усилия и попытаться во время добраться до суши. Но чуть только мы выползали за пределы нашей спасительной льдины, как проваливались в ледяную воду и, возвращаясь обратно в шлюпку, приходили к печальному выводу о полной безнадежности этой мысли. Оставалось одно: сидеть на месте, есть снег и ожидать грядущего конца.

В молчаливом, тупом и равнодушном ко всему настроении прошел медленно день—шестой по счету, как мы носились заброшенные в океане. Нам даже нечем было согреться в холоде надвигавшейся ночи, так как круги давно уже были сожжены и мы могли рассчитывать только на тепло своего организма. Для ночлега собрались в тесную кучу в

шлюпке и, накрывшись сверху дождевиками, старались надышать в наше убежище побольше теплого воздуха и согреть застывавшее тело. На помощь нам пришла на этот раз природа: густо пошел снег, скоро покрывший нашу бесформенную кучу толстым слоем, помогший кое как отопить дыханьем наше помещение. Относительно теплый воздух и теплота соприкасающихся тесно тел сделали свое дело: мы быстро и крепко заснули в ожидании завтрашнего дня. Что то готовит он нам?

Утро его нас ободрило—вышло ясное и светлое солнце. Вылезши из нашей норы, мы с большими усилиями расправили ослабевшие и застывшие члены.

Позавтракали снегом и стали во всю стучать зубами и трястись всеми мускулами от внутреннего и внешнего холода. Особенно усердствовал в этом веселом занятии механик, еле стоявший от слабости, и то при опоре на что нибудь. Да и все мы ощущали такой упадок сил, что стали серьезно готовиться к смерти. Впрочем с мыслью о ней, с представлением ее неизбежного прихода—все давно освоились и успели выработать в себе какое то равнодушие. Но умирать в полной безвестности, не оставив о себе никаких следов, все же не хотелось. У меня был чернильный карандаш и вот, дрожавшими от холода, но отнюдь не от волнения, руками, написали мы на борте шлюпки свои имена, адреса и нашу краткую и печальную одиссею. Теперь как то легче было встречать конец, связав себя с остальным человечеством кривыми строчками, появившимися на борту лодки. В эту минуту никому уже не приходила в голову мысль о возможности восстановления какой либо связи с далеким от нас миром себе подобных, т. к. этот день казался нам уже последним в нашем существовании. Еще мы надеялись дотянуть до вечера, но затем, чтобы заснув уже больше не проснуться.

День тянулся долго, однообразно и уныло. Холод, казалось, пронизывал тело до сердцевины самых костей. Руки и ноги ныли и болели. Когда уже особенно становилось невтерпеж от стужи, мы выползали из шлюпки на льдину и,

держась руками за борт, бегали вокруг, разминая коченеющие конечности и восстанавливая немного кровообращение. Иногда на горизонте показывался дымок знакомого уже парохода, не заставлявшего впрочем, теперь волноваться и ожидать его, т. к. ясно было, что он сам затерт льдом и стоит неподвижно. Стало смеркаться и на океан быстро надвигалась темнота. Итак, мы, значит, до ночи дотянули? А раз дотянули до нее, попробуем дождаться и дня. И забравшись в шлюпку, по испытáнному накануне способу, давшему относительно превосходные результаты, мы снова сбились в тесную кучу и прикрылись всеми дождевиками. Вначале что то не спалось, зябли, корчились и ворочались, наблюдали в дырки нашей крыши темное полярное небо с яркими звездами, но в конце концов заснули с невеселыми мыслями о будущем.

Странно как!? Утро восьмого дня, как мы скитаемся ничем не питаясь, а мы, оказывается, еще живы и даже довольно бодро себя чувствуем. Настолько бодро, что явилась мысль искать выхода к жизни, с которой, как будто, было все покончено.

Итáк, решили всем вместе идти на берег и сейчас выступаем в путь. Взяли весла, палку и решетки со дна шлюпки на случай провалов между льдинами, отлично зная, что «случаи» эти будут нам попадаться ежеминутно, и что правильнее было бы назвать «случайным» обратное. Силенок оказалось так мало, что весло с большим трудом держалось в руках.

Собравшись—двинулись. Лед шедшим перед этим снегом вероломно прикрыл, точно приготовил для нас, все свои трещины и слабые места и двигаться нужно было с крайней осторожностью, ощупывая впереди каждый шаг и готовясь принять внезапную холодную ванну, могшую стать и могилой при нашем состоянии.

Взяв весла и пáлку под мышки, распростившись с нашей гостеприимной льдиной и ставшей родной—после стольких горьких минут совместных переживаний,—шлюпкой, направились мы к берегу. Не успели сделать и нескольких шагов, как началось то, чего мы так боялись: то в одиночку,

то по два, то вдруг и все разом, целой компанией,—проваливались в воду и если только не скрывались под льдиной совсем и не погибали,—так это благодаря длинным веслам, упиравшимся обоими концами в лед и дававшими достаточную опору телу.

Кто посильнее был и половчее—тот после купанья вылезал сам. Кое кому приходилось подавать сообща помощь, вытаскивая волоком на лед и помогая принять вертикальное положение.

В конце концов, отойдя с громадными трудностями от шлюпки какую нибудь версту, оказались чуть не до головы промокшими и выбившимися из сил,—мы поняли, что дальше двигаться было невозможно и что нужно, покуда есть еще остаток силенок, добираться до шлюпки, повернув назад.

Тем же путем, так же падая, проваливаясь и выбираясь из трещин, ловившими нас, казалось, еще усерднее, чем прежде, еле еле дотянулись мы до шлюпки и, измученные физически, подавленные морально нашей неудачей, буквально повалились на ее дно. Тело под мокрой одеждой еле чувствовалось в этот момент, как что то еще живое.

Под влиянием только что перенесенного и перечувствованного мои товарищи резко заявили, что отныне они никуда не пойдут и будут сидеть в шлюпке и ждать—либо спасения, если таковому суждено придти независимо от их усилий,—либо смерти.

Я никоим образом не мог согласиться с этой, возлагаемой отныне ими на себя, пассивностью, да еще в таком деле, как вопрос о жизни и смерти. «Ведь это же нелогично», думал я, «не все ли равно где умирать, если уж освоился с этой возможностью и приготовился ее принять в случае ее неизбежности— в шлюпке ли или на льду? Но в конце концов гораздо лучше умереть ища пути к спасению, цепляясь за малейшие шансы на последнее, чем гибнуть бесславно, без всякой борьбы за свое существование».

Ночью я спал лежа рядом с боцманом; утром девятого дня, проснувшись раньше других, я разбудил его и стал уговаривать снова попытать счастья и попробовать выбраться

на сушу. Сначала он и слушать не хотел меня и мрачно отвергал все мои попытки убедить его в том, в чем я так твердо был убежден сам, приняв накануне решение. Но мало по малу, после упорной атаки на него, он сдался на мои доводы и согласился снова попытать счастье, до сих пор бывшее таким нерасположенным к нам.

Покончив между собой переговоры и заключив союз, разбудили остальную компанию и объявили им о нашем плане, обещая в случае его осуществления, немедленно выслать оставшимся в шлюпке помощь. Все с этим тотчас же согласились, не обнаружив ни малейшего желания нам сопутствовать.

Не теряя драгоценного времени, т. к. до берега было довольно далеко,—я и боцман снарядились снова в опасное предприятие: взяли палку и весло и, провожаемые общими пожеланиями удачи, тронулись в путь к видневшемуся ясно контуру земли.

Идти сначала было хорошо: лед попадался большими кусками, с незначительными трещинами, через которые мы перекидывали весло и проходили по последнему с помощью палки. Потом путь стал хуже и двигаться было труднее. Начались провалы,—сначала редкие, затем участившиеся,—мы снова живо промокли до нитки и начали мерзнуть. Труднее всего было рукам: рукавиц не было и они сильно зябли тогда, когда должны были крепко держать весло и палку. Но мы уже не обращали на это внимание, двигались да двигались, проваливаясь, вперед, и берег все яснее и яснее обрисовывал нам свои очертания и подробности, постоянно менявшиеся, т. к. нас течение относило вместе со льдом вдоль суши на север.

Довольно далеко было еще до нее, а уже приближался вечер. Впереди нас, в направлении нашего пути, верстах в двух от берега, мы заметили остов какого то разбитого и брошенного во льду судна, и решили, если не удастся достигнуть до наступления темноты нашей главной цели, то добраться хотя бы до судна, где и заночевать, чтобы утром двинуться дальше. В этом нашем решении мы укрепились еще более с того момента, как заметили, что судно и окружавший

его лед, вплоть до берега,—спокойны и не участвуют в том движении, которое нас, с нашей частью прибрежной полосы, тянет к северу, грозя вынести в открытый океан. Очутившись же до ночи на судне, мы могли бы, спокойные за свою участь в последнем смысле, дождаться утра.

Быстро приближавшийся вечер, сгущавший над нами сумрак, заставил нас спешить что было сил к замеченному остову. «Слава Богу, он уже близко,—каких нибудь сто саженей и мы спокойны....»—мелькали в голове у меня радостные мысли, прервавшиеся вдруг самым неожиданным и горьким образом: мы уперлись в трещину около $1^1/_2$ саж. шириной, наполненную мелким снегом, и бесконечную в ту и другую стороны. Мы были просто в отчаянии, которое все усиливалось тем обстоятельством, что по другую сторону полыньи лед до самого берега оставался спокойным и неподвижным, в то время как мы быстро двигались вдоль него, разделенные всего какими то полутора-саженями.

С горечью и тоской остановились и стояли на краю подвижного ледяного поля, созерцая близкое, желанное, но недоступное. Боцман решительно сказал, что по его мнению перейти через полынью нельзя и он даже не будет делать соответствующих попыток. После этого предисловия он обрушился на меня целым градом упреков за то, что это по моей вине мы вышли напрасно из нашей шлюпки, оставив товарищей; «лучше было бы умирать там, среди них, чем гибнуть здесь, чуть не в полном одиночестве»..

Боцман ругался так долго и усердно, что в конце концов нагнал даже на меня тоску своими причитаниями, с которыми я никак не мог согласиться по их узости и мелкому животному страху себялюбца: «ведь это мы делали не для себя только. Нашей помощи ждут, кроме этих, еще тринадцать человек и нужно, значит, сделать все, что только возможно, чтобы попасть скорее на берег и известить кого нужно о гибели и положении *Ормесби* и его экипажа..» И я твердо опять таки решил, если не пойдет боцман—идти одному и во что бы то ни стало достичь берега, тем более, что самая трудная часть пути была уже позади.

Нужно было перейти только полынью, так неожиданно преградившую дорогу. Перескочить с одного берега на другой было совершенно невозможно за ее шириной, которую не перекрывало даже бывшее со мною весло, длиною около 12—14 фут. Нужно было во всяком случае искать места поуже. В этом раздумьи стояли я и ворчащий боцман на краю поля, и плыли вместе с ним вдоль другого неподвижного берега промоины, из которого кое-где выдавались ледяные мысы, подходившие краем своим к нам довольно близко. Я сразу же почувствовал, что в этих мысах или выступах лежит разрешение нашей задачи. И вот, подождав когда мы подошли к одной из льдин, выдававшейся довольно далеко в промоину, я улучил момент и перебросил на нее весло через трещину, опершееся своими концами фута по 3 на каждом, на лед. Нужно было не терять времени и дорожить секундами, пока плывшее поле еще не разрушило моста, не выдернув устоя из под весла. Я, быстро вооружившись палкой, опираясь ею сперва на своей стороне, затем на береговой, и, балансируя по веслу над водой, успел все-таки перебраться через трещину и поблагодарил судьбу за чудесный переход, где было столько риска. На самой середине весла одна плывшая льдинка так стукнула меня по ногам, что я чуть не полетел в шуршавшую внизу жидкую кашицу, откуда вряд ли выбрался бы.

Видя мой успех повеселел и боцман. Я ему перебросил весло и палку и скоро таким же образом он очутился вместе со мной, разделив мое радостное и приподнятое настроение.

Впрочем мы скоро убедились, что рано было еще торжествовать. Только очнувшись от наших радостных переживаний заметили мы, что вечерний сумрак скрыл от взоров видимый доселе ясно берег, а главное—остов нашего судна, в котором мы мечтали найти себе спокойное ночное убежище,—но от которого, за те четверть часа, что возились с переправой, были течением отодвинуты чуть не на версту.

Покуда еще под ногами было видно, мы решили не терять времени и двинуться к судну, но скоро от этой затеи отказались, как это ни было печально. Лед, как на несчастье,

оказался очень слабым. Под ногами от него отламывались куски и мы то и дело проваливались, с большим трудом выползая обратно. В этом последнем нам значительно помогала особая сноровка, выработавшаяся на основании богатого печального прошлого. Ее приемы, очень облегчавшие наше путешествие, заключались в том, что весло и палка держались на вытянутых руках впереди и мы при каждом внезапном падении или провале, моментально поджимали их под себя, наваливаясь затем всем телом на наших верных деревянных товарищей, благодаря которым были еще не только целы, но и мокры не выше пояса. Однако несмотря на это, благодаря постепенной потере сил и окоченению тела, а главным образом рук, нам становилось все труднее и труднее освобождаться от ледяных объятий, и в конце концов мы почти не двигались с места. Как раз наступила полная темень, пути совершенно не было видно и волей неволей приходилось остановиться на единственной возможности: ночевать прямо на льду,—не смущаясь тем что мы были наполовину мокры до нитки. Впрочем судьба основательно уже позаботилась о том, чтобы приучить нас быть хладнокровными в положениях, казавшиеся выходящими за пределы отпущенных человеку сил. Шутка-ли! мы были живы после почти десятидневной полной голодовки и пребывания в непрерывно-сырой одежде на морозном воздухе.

И совершенно спокойные за главное—за то, что нас отсюда море уже не унесет от берега—мы принялись искать вблизи льдину побольше и покрепче для удобств ночлега. Это не так легко и скоро можно было сделать, как оказалось. Быстро найдя одну подходящую и перейдя на нее, мы чуть не перевернулись вместе с ней в воду и еле успели перебраться на другую. Только остановились на этой,—как она вдруг переломилась пополам, заставив нас совершить чуть не заячий прыжек в сторону. Довольно долго после этого бродили мы, проваливаясь и вытаскивая друг друга,—если только не купались одновременно—пока наконец с облегчением не почувствовали под ногами плотную массу льда, футов восемь диаметром, свободно нас державшую и не готовившую, повиди-

мому, никаких сюрпризов. Здесь и решили успокоиться от трудов и расположиться, так сказать, по домашнему. Да и во время. Физическая энергия упала к этому моменту почти до нуля; мы еле стояли на ногах, хлюпавших целый день в ледяной воде, забравшейся в сапоги, а руки были точно палки. Ну, теперь надо устраиваться на ночевку. А она сулила нам мало удобств. Стоять целую ночь?—не было сил; лежать, в мокром, на ледяном ложе?—еще того менее возможно. Оставалось спать только сидя. В этом направлении и началась работа подготовительного, так сказать, характера, состоявшая только в том, что мы положили на лед наши весло и палку, предохранявшие нас от ледяного прикосновения, а затем сели рядом на них спиною к ветру. Протянутые вперед по льду ноги, которых мы впрочем почти не чувствовали,—сразу обе пары, обернули дождевиком и связали веревками. Край другого такого же плаща подоткнули сзади под себя, а остальную часть натянули на спины и головы, завернули с боков наперед вокруг туловищ, сшили впереди, через дыры по краю, веревкою. На этом покончили. Больше удобств извлечь было нельзя из нашего материала: двух плащей, весла, палки и льдины, и ночлег был таким образом готов. Оставалось только выполнить самое главное, к чему мы так торжественно приготовлялись.... заснуть. И вот, уставшие и измучившиеся, тесно прижавшись друг к другу, мы быстро и крепко заснули—точно кругом не было холодной полярной ночи, точно сами мы были сухи и обогреты и имели вместо своего ледяного ложа мягкую и теплую домашнюю постель. Так безмятежно заснув, мы, пожалуй, не просыпались бы до самого утра, если бы задвигавшийся перед его наступлением лед не цеплял за свешивавшиеся со льдины концы нашего деревянного сиденья, и не заставлял нас подпрыгивать от толчков кверху и с неохотой продирать глаза. Кругом нас свистел ветер, шумело, трещало и двигалось ледяное поле, но эта картина не долго занимала наше внимание: веки быстро слипались снова и мы засыпали так же крепко до нового толчка, моля судьбу только о том, чтобы нам не изменило наше ледяное убежище.

Облачным и пасмурным утром десятого дня проснулся я первым и кое как высвободил себя из плащей и веревок, боясь прервать сладкую дрему боцмана. За ночь вокруг нашей льдины образовалась точно стена из нагромоздившихся кусков льда, выдавленных при ночном движении поля наверх, и мы очутились в какой то низкой комнате без потолка. Пожалуй эта, точно Промыслом Божьим, созданная постройка, много сберегла нам сил и здоровья, предохранив от действия ночного холодного ветра.

Заглянув через ледяной барьер в сторону берега, я увидел его очень близко, в расстоянии около версты. В душу сразу хлынула радость при мысли, что на этот раз мы спасены. Еще немного усилия,—и под ногами будем ощущать твердую землю, предмет таких страстных надежд, сбывающихся покуда только для нас двоих.

В радостном возбуждении и какой-то трепетной поспешности принялся я тормошить боцмана. Но добудиться его оказалось делом нелегким. Вероятно он был в своем состоянии сна близок к замерзанию и мне пришлось потратить много времени и труда, пока наконец,—после применения самых энергичных мероприятий, в ответ на которые я получил вначале одно невнятное мычанье—он не открыл глаза и не понял обстановки. Вид близкого берега окончательно расшевелил его, и, торопя друг друга, мы начали готовиться к дальнейшему ледяному переходу, казавшемуся теперь совершенно нестрашным и пустяковым.

Прежде всего мы собрали и связали свои плащи. Затем приходилось позаботиться о более важном—о наших руках. Вообще то все тело болело и ныло, но на руках появились язвы и раны от обморожения и нужно было серьезно опасаться того, что мы можем вдруг очутиться «без всего», т. к. руки были для нас самыми важными сотрудниками. Поэтому я отрезал от теплого шейного шарфа один из его длинных концов и, разделив последний на четыре части, две передал боцману, с которым затем обернули кисти полученными кусками материи.

После этого, взяв весло и палку, мы, в бодром настроении духа, тронулись к берегу и около полудня, длинная, прибрежная песчаная полоса впервые ощутила наше к ней прикосновение, и услышала, как горячо благодарили Бога за то, что чувствуем под ногами землю,—пустынную, мерзлую и мертвую землю. Но как ни велика была радость, мысль о товарищах, оставшихся позади в океане, на краю гибели, омрачала ее, а сознание принятой на себя обязанности заставило нас тотчас же, не отдыхая и не останавливаясь, идти на поиски жилья и помощи. И мы двинулись по берегу. Вначале он был плоский и совершенно голый, без всякой растительности. Зато хранил много обломков различных судов, повидимому потерпевших во льдах крушение. По мере углубления в материк появились холмы: то тупые и широкие, то довольно острые. Начала встречаться высохшая трава. После нашего снегоедения, мы вздумали попробовать ее в качестве нового блюда, но пожевав, выплюнули, такая это была гадость,—и снова принялись за испытанный снег.

Долго шли так, всматриваясь пристально вокруг во всякие неровности почвы, ища жилья. Мечтали и сладко грезили о настоящей еде, о пресной воде — чего так долго уже не видели и по чем истосковались и изголодались. Но сколько ни рыскали—нигде не могли найти каких либо следов человеческого пребывания среди молчаливой северной пустыни, тоскливой и неуютной.

Вот и хижина, что мы видели с моря, возбудившая в нас тогда столько напрасных надежд, принесшая разочарование и теперь: поспешив к ней, мы убедились еще раз в том, что она пуста. Обыскали тщательно самые укромные уголки, думая обрести что нибудь съестное, но поиски оказались тщетными. Остановились в ней с целью немного отдохнуть. Страшно клонило ко сну обоих, но помня об основной цели нашего путешествия, поборов сон, мы побрели дальше, держась теперь вдоль побережья, где можно было рассчитывать натолкнуться на рыбачье становище поморов или самоедов. Встречая на снегу частые звериные следы, вроде волчьих

или лисьих, решили озаботиться приобретением каких нибудь средств обороны. Наши верные спутники—палка и весло, были брошены в самом начале пути — слишком уж тяжелы они были по теперешним нашим силам, хотя теперь бы и пригодились для обороны от хищников. Вместо же них пришлось взять более легкие шесты из попадавшихся под ноги.

Путешествие наше совершалось чрезвычайно медленно. Через каждые 50—100 шагов останавливались и отдыхали, осматривая окрестности. Добрались до каких до высоких холмов, ползти по которым при нашем состоянии было очень трудно. Кое где здесь встречались замерзшие лужи. Порядочно томившая жажда заставляла нас ложиться на лед и ковырять его ножем с целью добыть пресной воды, но все лужи оказались промерзшими до земли и вместо воды мы сосали кусочки льда.

Долго еще шли, но каких либо иных следов, кроме звериных, нигде не встречалось. Начал дуть сильный встречный ветер, густо повалил снег и все чаще и чаще должны мы были останавливаться для передышки, чувствуя как борьба с этими новыми препятствиями выматывает все, что еще у нас оставалось в последнем запасе. Как бы хорошо было сейчас погреться чем нибудь: выпить например теплой крови оленя, которого можно было бы встретить в этом краю. Или найти дохлую, выброшенную морем рыбу на берегу, которая так бы пригодилась сейчас. Но олени не встречались и сколько ни искали рыб—не нашли ни единой. Пустота же в желудке властно требовала заполнения и мы обращались к спасительному снегу, бывшему в изобилии. Замерзшие руки отказывались уже его брать, но мы с честью вышли из этого затруднительного положения: легли животами на землю и уткнув физиономию в снежную массу, захватывали ее ртом и с аппетитом насыщались.

Густой снег валился крупными хлопьями, совершенно застилая горизонт и путь. Упорный ветрило не переставал так нажимать спереди, точно не хотел пропустить нас, непрошенных и нежданных, в свою пустынную обитель, где он чувствовал себя единственным хозяином. Но и он, наконец,

смилостивился к нашей радости и стал затихать. Снег также разредил свою пелену. Неясные доселе контуры местности делались все отчетливее, и когда наконец метель утихла совсем, мы увидели, что подходим к одному из берегов широкого морского залива — около шести верст, как мы определили на глаз.

У противоположного берега его, очень близко к последнему,—как нам казалось отсюда,—стоял и дымил наш знакомый пароход. Между ним и землей, — где также вился, повидимому из жилья, легкий дымок, — еле заметными нам точками двигались по льду туда и сюда люди. Эта картина заполнила нас радостью и вызвала к жизни затаившиеся силы организма. Ободренные перспективой скорого общения с теми, от кого мы могли получить столь давно невиданные пищу и питье, кто мог дать помощь оставшимся сзади нас—мы подтянулись и быстро пошли по прямому направлению на пароход, думая пересечь залив по льду. Но после нескольких провалов и купаний эту мысль пришлось оставить, и выбравшись на берег, мы пошли в обход всего залива. Холмистая местность сильно мешала двигаться и силы быстро стали падать. Останавливаясь для отдыха, мы делали все возможное для того, чтобы обратить на себя внимание парохода: кричали, свистели, размахивали различными предметами—но все напрасно и нас никто не замечал. Приблизительно уже была обойдена половина залива, как мы, еле ковыляя с холма на холм, увидели в стороне какой то домик, не оставлявший никакого сомнения в обитаемости по движению около него, а главное, бывший к нам значительно ближе, чем предстояло еще тащиться до парохода. Не долго выбирая, решительно повернули на домик и потащились, еле волоча уже ноги. Пройдя в этом направлении с версту или немного менее, заметили впереди себя реку, покрытую льдом [1]), а на ней, влево от нас, какие то фигуры, быстро двигавшиеся на одном месте. Вначале мы даже не заподозрили в них людей по странным их формам: думали сперва, что это тюлени, потом

[1]) Малая Кия, как после узнали.

приняли их за собак, и только когда заметили с ними двигавшиеся санки, покончили со своим недоумением. Подошли наконец к реке, горько нас разочаровавшей слабостью своего покрова и угостившей несколькими холодными ваннами, отбившими охоту производить дальнейшие изыскания. Вода ее, к которой мы жадно бросились, в надежде утолить жажду, неожиданно оказалась соленой от близости моря. После такого подробного наружного и внутреннего знакомства, ничего больше не оставалось, как идти вдоль реки к замеченным нами людям, продолжавшим попрежнему торопливо копошиться и передвигаться, перебегая с места на место и таща за собой небольшие сани.

Не поняв причины их суеты и движений, мы порядочно даже сперва струсили от предположения, что они удирают от нас, т. к. это вероятно хищники-рыболовы, нас давно уже заметившие. Но опасения рассеялись по мере приближения к ним, когда мы наконец ясно уловили характер их деятельности: в количестве около десяти человек они ловили на льду рыбу и не только не собирались улепетывать, но даже и не замечали нас, углубившись в свое занятие. Чувствуя в себе почти полное отсутствие возможности двигаться и боясь, как бы не упасть и не остаться незамеченными в такой близости от спасения—мы начали, что было сил, кричать им, свистеть в свисток и махать фуражками, но напрасно. Потянулись дальше. Вот совсем уже близко от них. Еще немного усилия—и мы окружены толпой, одетой с головы до ног в оленьи шкуры, людей, изумленно осматривавших нас и вглядывавшихся в наши закопченные дымом измученные лица. На русском языке спросили их: кто они?—и, с удовольствием услыша родную речь, узнали, что это русские промышленники, забравшиеся сюда ловить навагу.

К моменту нашей встречи совсем уже стемнело. Мы добрались до них во время, т. к. не сомневались в том, что если бы этого не случилось, вряд ли смогли живыми приветствовать утро.

Не знаю, что было в нас подозрительным: наши ли фигуры с черными физиономиями или неожиданное наше поя-

ление в пустынном, безлюдном месте—но вначале мы ясно видели, что у наших собеседников в душе копошилось какое то сомнение, недоверие к нам. Они как то неловко молчали, переглядываясь друг с другом и внимательно нас изучая. Но обращать внимание на это было некогда—мы вдруг увидели живую, бившуюся у проруби, на льду, рыбу. Попросив позволения взять по одной и не дожидаясь ответа, я и боцман с жадностью вонзили зубы в трепетавшее рыбье тело, уле удерживаемое в окоченевших руках. Только дойдя до самых внутренностей наваги, почувствовал я ее горечь; до тех же пор она казалась мне вкуснейшим блюдом на свете.

Это «живоглотание»—если можно так выразиться, чрезвычайно нам помогло в установлении добрых отношений с недоверчивыми рыболовами. Впечатление оно произвело огромное, вызвав участие к нам и интерес к обстоятельствам, породившим такой аппетит. Засыпанные вопросами, мы рассказали вкратце о нашей судьбе, о положении оставленных товарищей и просили скорее идти спасти тех троих, что остались в шлюпке. Промышленники отказали в немедленной помощи, отговариваясь темнотой, делавшей успех предприятия очень шатким, зато утром обещали полное свое содействие.

После этого между ними началось обсуждение вопроса, где нас поместить. Атаман артели пригласил нас к себе и как раз в ту хижину, к которой мы шли и не дошли, отстоявшей отсюда недалеко. Двинулись к жилью, но сделав один шаг, я и боцман ощутили, что идти самостоятельно уже не в состоянии. Рыболовы предложили поддержать нас и вот таким образом, опираясь на людей, мы потихоньку, еле перебирая окончательно онемевшими ногами, поплелись по занесенному снегом берегу реки, к жилью. Пройдя с половину пути, я почувствовал что даже с посторонней помощью дальше идти не в состоянии и совсем готов был свалиться на землю. Тогда наши новые знакомые взвалили меня на ручные сани и общими усилиями потянули дальше. Боцман же был настолько крепок, что шел сам. Вот и жилье—низкая деревянная хата, вся закопченная изнутри. Пара

маленьких тусклых окон еле освещала убогую обстановку жилища промышленников: каменную печь, не имевшую трубы, роль которой исполняла дыра в потолке, стол, скамьи, да нары вдоль стен, покрытые без всякой подстилки, оленьими шкурами мехом наверх, На шкурах спали, шкурами же покрывались вместо одеял. Для наших ран и мокрых волдырей на руках и ногах оказалось чрезвычайно мучительным соседство шерсти, бывшей снизу и сверху тела,—лезшей непрестанно в больные места и прилипавшей там. Точно также на ряду с этим, мы впоследствии порядочно проклинали и знаменитую печь, наполнявшую все помещение дымом сверху и холодом снизу, т. к. для вентиляции приходилось открывать наружу двери.

Как только нас усадили на нары, то первым делом я и боцман обратились к своим ногам, которых давно уже не чувствовали. Прежде всего нужно было снять сапоги. Это удалось сделать боцману, с которого кое как общими усилиями, их стащили. Зато сколько ни старались надо мною,—ничего не помогло. Ноги так опухли, что естественным путем освободить их было невозможно и сапоги пришлось на мне разрезать. Из двух пар теплых чулок, надетых еще на пароходе,—наружная оказалась смерзшейся нацело с сапогом,—внутренняя же была мокра, т. к. вода, кажется, ни на минуту, не переставала хлюпать внутри во время нашего путешествия.

Сняв и эту пару, я наконец увидел свои ноги. Они были бело-матового цвета, слегка розовые; кроме того вздулись и распухли,—особенно пальцы, которые так растолстели, что торчали во все стороны. Ноги боцмана, промокшего меньше меня, представляли гораздо лучший вид: опухоль была меньше и окраска жизненнее.

Принесли живо хозяева снега и что есть силы начали растирать им наши ступни. Долго продолжалась эта работа,—пожалуй около часу; во время нее мы с жадностью жевали по куску хлеба, запивая его водой и ощущая неизъяснимое блаженство от такого лакомства. Боцману продолжало везти и дальше. Довольно быстро удалось вызвать у

него кровообращение и ноги мало по малу приняли телесную розовую окраску и согрелись. Зато мне не посчастливилось, сколько ни старались рыболовы. Со всей ступни слезла кожа, обнажилось мясо, но я так и не почувствовал присутствия в них какой нибудь жизни. Конечности, как были деревянными и точно посторонними мне,—такими и остались, приводя в отчаяние моих лекарей, старавшихся до тех пор, покуда я, видя всю тщету этих попыток, не попросил их прекратить бесполезную трату энергии, предоставив дальнейшее судьбе. Тем более это было кстати, что ничто уже не мешало нам заняться поглощением оленьего теплого супа и затем горячего чая. Было ли время и место заниматься в этот момент ногами и вообще всем «посторонним», адский голод, укрепившийся в желудке, требовал непрерывного принятия пищи, отодвигая на последний план все прочие интересы, как бы близки и жизненны они ни были. Но как мы ни жадничали, истребляя запасы наших хозяев, все же побаивались набивать свои желудки досыта, помня, что после десятидневного «великого» поста, это может окончиться очень плохо.

Покуда нас оттирали, в жилье набилось масса народу, собравшегося с промыслов, по которым уже пронесся слух о нашем неожиданном прибытии после стольких приключений. Все толпились вокруг, разглядывая с любопытством наши пришибленные фигуры и измученные, закопченные физиономии. Мы были, словом, центром общего внимания и сочувствия. Нас расспрашивали о бывших с нами передрягах и, рассказывая о них, я и боцман, главным образом останавливались на вопросе о скорейшей помощи оставшимся. В этот же вечер я хотел телеграфировать в Архангельск, но оказалось что здесь это не так легко и скоро можно сделать. Ближайшим местом, и то телефонного сообщения, была деревня Несси, в 400 верстах отсюда. Из нее можно было телефонировать в г. Мезень, а оттуда телеграфировать в Архангельск.

Все это было печально и могло оказаться роковым для сидевших на транспорте,—если только они еще живы—кото-

рым дорог был буквально каждый час. Приходилось ожидать утра, когда можно было попытаться найти кого нибудь из самоедов для подобного путешествия.

Ночь я и боцман промучились. Болело и ныло все тело; точно положенная в уголья, горела голова. Стучало и билось сердце и сознание по временам затемнялось до бредовых видений. Слабость организма была крайняя—силы точно отсутствовали. Проворочались, простонали, пробредили и кое как, мучимые еще и шерстью шкур, лезшей в раны,—дождались утра. После некоторых поисков, рыболовам удалось таки найти самоеда, согласившегося ехать в Несси с телеграммой. Нужно было составить последнюю, но как на грех с этим пустяком вышла проволочка. Наши руки не только не могли писать, но и вообще отказались держать какие бы то ни было предметы, даже самые маленькие. Среди многочисленной артели рыболовов ни один не нашелся настолько грамотным, чтобы нацарапать текст. Приходилось приглашать на гастроли капитана парохода *Антоний*, затертого во льду залива. Кстати, приглашая его, думали уговорить идти на помощь *Ормесби*. Услужливый капитан, не замедливший прибытием, и написавший наконец телеграмму, огорчил нас отказом в помощи судну, впрочем по весьма основательным причинам: он сам терпел на своем *Антонии* аварию, будучи затерт льдами, нанесшими его ко всему прочему, на банку, где он как раз крепко и сидел в это самое время, сам нуждаясь в помощи.

Как ни печальна была обстановка, но ничего не оставалось делать, как надеяться на телеграмму. Составлена она была так: «Пароход *Ормесби*, шедший из Англии в Архангельск на Орловских Кошках потерпел крушение. Оставшаяся команда просит немедленной помощи».

Беленькую бумажку эту, от которой зависело спасение стольких жизней, вручили старому, седому самоеду, из числа помогавших промышленникам и вертевшихся у промыслов,—очень опытному и бывалому. Пожелали ему полного успеха, попросили поторапливаться и легкие полярные сани, запряженные оленями, мелькнули раз, другой, третий... и скры-

лись в однообразной, туманной, снежной дали неведомого нам края.

Рано утром в этот же день, двое промышленников пошли на поиски оставленной в море шлюпки. Около полудня они вернулись на оленях, посланных по моей просьбе им навстречу, и, к моей радости, привезли найденных уже во льду матроса У. Вассермана́ и кочегара А. Каска, еле бывших в состоянии двигаться, так что олени оказались весьма кстати. По их рассказу выяснилось, что после нашего ухода они еще два дня сидели втроем и мерзли в шлюпке. Видя, что силы падают и конец быстро приближается, они решили последний раз попытать счастья, покуда еще движутся ноги, и идти на землю. Вышли вдвоем, т. к. 2-ой механик П. Ярец настолько ослаб, что предпочел остаться и просил лишь поскорее идти и выслать помощь. Но она ему уже не понадобилась. Отойдя около двух верст от шлюпки, они увидели, что отделившийся лед понесся с последней прямо в открытое море и скоро его белая полоса с черневшей лодкой скрылась на горизонте, где искать было бесполезно, да и не на чем. Так, и на этот раз бесповоротно, решилась судьба бедного Яреца. Его окоченевший труп быть может до сих пор носится среди мрачного Ледовитого океана, если только волны и полярные льды не разбили последнего убежища и тело его не попало белым медведям.

Когда матрос и кочегар, продолжая полное всяких неожиданностей путешествие по льду, увидели шедшие им навстречу две фигуры,—то подумали первое время, что это я и боцман возвращаемся обратно, не найдя ничего, что могло бы изменить к лучшему нашу общую судьбу. Бедные ребята совсем было приуныли и собирались умирать в тесной компании. Но сблизившись и увидев незнакомцев, они сразу воспрянули духом, поняв, что я и боцман не зря покинули шлюпку. Помощь им пришла очень во время, т. к. выбившись из сил, они все равно, по их словам, не дотащились бы до берега.

Этот день готовил нам еще сюрприз. Среди промышленников появился слух, что в верстах в 15 от того места, где

вышли мы, на устье реки Большой Кии, выбрались еще трое скитальцев. Как ни интриговал нас вопрос: кто они? но до следующего дня мы не могли определить, наши ли это коллеги с *Ормесби*, или какие либо другие несчастливцы, испытывающие судьбу подобно нам. Больше склонялись к последнему предположению, т. к. не верилось, чтобы это могла быть часть оставшейся на судне без всяких средств передвижения команды, переплывшей море, да еще так удачно, почти в одно место с нами, приткнувшейся к Канину Носу. К тому же нас сбивало с толку еще и присутствие, по словам прибывших, среди них боцмана. Единственный же боцман нашего *Ормесби* был со мной.

Как ни хотелось съездить туда и узнать подробно о личностях пришельцев, но сами выполнить это были не в состоянии из за болей во всем теле, а главным образом в отмороженных частях. Поэтому я просил промышленников подробно выяснить: не с парохода ли *Ормесби* вновь объявившиеся? На следующий день получили утвердительный ответ, поселивший в нас радость, но еще и бо́льшее недоумение. Все терялись в догадках и становились в тупик: как и на чем переплыли они, — ничего не имевшие для спасения,—Белое Море?.. Как вырвались они из своего крепкого плена? Это могло совершиться только чудом. И действительно. То, что поведал нам при нашей встрече,—когда мы все соединились для отъезда в Архангельск,—второй помощник капитана П. Каск, граничило с чудесным. Вот оно.

Три дня экипаж *Ормесби*, с медленно, но безнадежно угасавшими надеждами на спасение, ожидал результатов от посланной экспедиции. Наконец, когда воцарилось общее убеждение в постигшей нас неудаче,—что могло легко случиться при нашей ветхой шлюпке—и когда всем стало ясно, что помощи больше ожидать неоткуда—решили спасаться, кто как может и хочет. И вот, П. Каск, плотник Мяйнук, старший кочегар Ю. Кервус и матрос К. Шеер, из всяких попадавшихся под руку досок, сколотили гвоздями ящик. Щели его замазали густой краской и обшили кругом еще

брезентом. В угольной яме неожиданно нашли парус, выброшенный туда волнами с разбитой шлюпки, и приладили его в той же самой роли к своему ковчегу. Этим все устройство и оборудование последнего ограничилось; благословясь, сели они в него и пустились, отдав себя только ветру, в плавание, риск которого оправдывался только отчаянием, а удача—граничила с чудом; после нескольких жутких дней трепанья по волнам, при непрерывной работе выливания текшей в щели воды,—они приткнулись к прибрежной полосе льда неведомого им берега и тотчас же льдом направились на сушу. Достичь последней удалось всего трем; плотник Мяйнук, обессиленный холодом и голодом, не мог двигаться и остался лежать на льду там, где упал от слабости. Спасти его не удалось, т. к. высланные с берега люди никого не могли отыскать в указанном месте и возвратились ни с чем.

Каск и двое его товарищей, выйдя на берег, довольно скоро встретились, так же как и мы с рыболовами. При встрече разыгрался комический эпизод: рыболовы приняли их, а в особенности двух самых высоких, Кервуса и Каска,—за немцев, пожаловавших сюда «для распространения холеры» и страшно напугались. Измученным неудачникам еле еле удалось убедить их в том, что перед ними соотечественники. Кое как русская речь, а главное истощенный и жалкий вид путешественников, сделали свое дело и скоро уже наши товарищи сидели обогретые и накормленные в рыбацкой хижине, глотая едкий дым печи, не имевшей трубы, и не зная того, что всего в 20 верстах от них находимся мы.

Продолжаю теперь рассказ о себе. В первый же день пребывания на рыбачьем становище, одновременно с изысканием способа осведомить Архангельск о гибели *Ормесби*—я и боцман задумывались также и над тем: как попасть туда и нам самим. Наши хозяева, с которыми мы советовались, сообщили, что единственные люди, на которых мы можем рассчитывать в этом смысле и в данное время—это самоеды с их оленями. Других способов не было и приходилось обращаться к единственному. Поэтому я, узнав от

хозяев о существовании Канинского Самоедского Старшины,— роль и влияние которого были ясны из приводимого титула решил обратиться к последнему и просил самоеда, везшего телеграмму, на пути в Несси заехать к старшине и просить его пожаловать к нам по важному делу.

Только на третий день вечером узрели мы этого старшину, жившего, как оказалось, верст за 300 от нас. Среднего роста, худенький, начинающий седеть старичек, с клинообразной бородкой и добрыми глазами, он носил совсем русское имя: Евсевий Алексеевич Ардеев. Одетый в олений малец [1]) и пимы [1]) он взошел в нашу хибарку и, прежде чем вступить с нами в беседу, молча и с важностью надел на себя знаки своего достоинства—серебряную медаль на цепи, и только после церемонии возложения регалии, согласился быть нашим собеседником.

Не раз после благословляли мы судьбу, пославшую нам Ардеева. Его полярное сердце оказалось полно замечательной теплоты; в нем мы нашли чрезвычайно душевного и живо сочувствовавшего нам человека, принявшего все меры для оказания нам просимой помощи и сделавшего нам много хорошего.

Познакомившись друг с другом, мы тотчас же приступили к делу, объяснив, откуда явились, каково наше положение и что нам нужно. Его просили только лишь довезти нас семерых до какого нибудь большого пункта, каковыми являлось с. Несси, где мы могли бы получить врачебную помощь и откуда имели бы возможность уж без его помощи достичь Архангельска. Пришлось затронуть и вопрос о снабжении нас, на время длинного полярного путешествия, теплой одеждой. Выслушав нас и выразив нам свое сочувствие, Ардеев моментально согласился сделать все, что только он может, чрезвычайно обрадовав нас этой своей готовностью. Понимая, как и почему мы дорожим каждой минутой времени для отъезда, он тотчас же отправился опрашивать местных самоедов о количестве имевшихся у них: саней,

[1]) Малец—одежда, сшитая из шкур, куда нужно залезать через единственное отверстие для головы. Пимы—мягкая обувь из шкур вроде валенок.

оленей и одежды. Для нас, наших возниц и провизии требовалось по подсчету: девять саней и около 35 оленей. Кроме того, т. к. ноги у всех нас были опухшие и толстые, то обыкновенные пимы не годились и нужно было шить специальные.

Объехав все вокруг рыбачьего стана, Ардеев заявил, что здесь все необходимое для путешествия мобилизовать невозможно и что придется ехать за недостающим в тундру. С этим неприятным известием приходилось волей неволей мириться и ожидать возвращения Ардеева, который не заставил себя торопить и быстро скрывшись в тундре не появлялся еще целых три дня, не показавшихся нам сладкими в нашем болезненном положении и томительном ожидании и беспокойстве. Вообще все шесть дней нашего пребывания у рыболовов протекли для нас в изрядных физических муках. Ноги, в особенности у меня, ныли и болели, упорно держа на себе большую опухоль. Счастливец боцман мог хоть утешаться живым видом своих ступней, а я так и не почувствовал в них признаков жизни; как будто что то постороннее было привязано внизу вместо живого тела. Зато двигаться нам всем было очень трудно, почему мы непрерывно валялись на нарах, проклиная дым, твердость досок и шерсть шкур, настойчиво и злобно лезшей волосами в раны и волдыри клочьями отставшей кожи. Руки наши не отставали в смысле опухоли и количества ран от нижних конечностей, хотя были живы. Пальцами, опухшими до крайних пределов, мы еле еле ворочали. На беду у промышленников не оказалось ничего, что можно было употребить в качестве перевязочного материала. А о лекарствах тем более нечего было думать. Спасибо капитану *Антония*. Он дал нам какого то пластыря и немного бинтов; того и другого едва хватило для рук, а ноги покуда оставались, как были.

В однообразии томительно текших дней единственным нашим развлечением была еда. Поглощательная способность была невероятная. После нашей продолжительной голодовки мы все ели, ели и никогда, к собственному удивлению и, вероятно, ужасу наших хозяев, не чувствовали себя сытыми.

Нечего и говорить, что аппетит наш мог смутить радушных промышленников тем ущербом, который мы наносили их скудным запасам, пополнить которые в это время не было возможности. И нужно отдать им справедливость: за все время нашего пребывания, гостеприимство хозяев не падало в своей интенсивности и они предпочитали оставаться молчаливыми свидетелями производимого нами опустошения.

За шесть дней мы достаточно успели приглядеться к их несладкой, трудовой жизни. Рано утром, еще до рассвета, эти одинокие, заброшенные в снежную пустыню, живущие среди всяких лишений, люди, попив чая и пообедав, отправлялись на промысел, нарядившись с ног до головы в оленьи шкуры. Целый день проводили они на льду, среди холода, мокрые. И только поздно вечером возвращались, измученные работой, в свою дымную хату, чтобы, поужинав, посушив одежду, свалиться от усталости на нары до следующего трудового дня, в точности похожего на предыдущий. Наловленную навагу держали на дворе, покуда она не замерзала, после чего грузили на пароход или отправляли на оленях в ближайшие деревни, отстоявшие отсюда, как и друг от друга, на сотни верст.

Во время нашего пребывания на промыслах, капитану *Антония* удалось как то ночью сдвинуть пароход с мели, с помощью большого числа собранных рабочих и после многих неудачных попыток. Дело чуть не кончилось при этом гибелью нескольких промышленников, — в том числе и нашего хозяина: один из канатов, за которые тянули пароход, неожиданно сдал и все державшиеся за него обрушились через разломанный лед в воду, но были поспевшими во время товарищами спасены. Это происшествие, — о котором мы только могли слышать, т. к. не двигались с нар, — внесло некоторое разнообразие в наши впечатления, так же как и прибытие самоедского колдуна, пожаловавшего для заговора ног от дальнейшего распространения опухоли.

На шестой день наконец дождались мы и старшины. Рано утром вернулся он из своей поездки и привез все необходимое: полный комплект одежды, 9 саней, оленей,

провизию—все это было им собрано в тундре. Кстати прихватил он и кусок чистой материи, очень пригодившейся нам для обертывания ног.

Откладывать отъезд больше не было причин и, дорожа временем, мы стали готовиться покинуть наш приют и промышленников. Приготовились быстро. Длинные легкие самоедские сани запрягли 3—5 оленями,—смотря по количеству ездоков и силе животных. Сверху покрыли оленьими шкурами, нагрузили на одну подводу нашу путевую провизию и приступили к самой главной части — к облачению себя в полярные одежды, обойтись без которых зимой в этих широтах невозможно. Кое как, помогая друг другу, влезли через единственное отверстие для головы в тяжелые мальцы, одели пимы на ноги, теплые шапки на головы и, от души поблагодарив за гостеприимство и радушие приютивших нас рыболовов, расселись по саням и тронулись в путь на Несси.

Длинной вереницей, по необозримому белому полю, растянулся наш легкий поезд. Олени бежали так быстро, что захватывало дух, забрасывая нас снегом из под копыт. Погода была очень хорошая, тихая, при легком морозце около 8°. Кругом однообразная снежная тундра, то плоская, то холмистая, то голая, то покрытая редкими низкими кустами, не достигавшими высоты даже полусажени. Дороги не было видно совершенно, но нашим возницам был известен каждый холм и кустик и мы поражались, как удивительно пользовались они знанием местности, где, казалось, ничто не могло помочь ориентироваться в направлении.

В очень короткое время отъехали мы верст на 15 от стана и остановились, чтобы дать оленям отдохнуть. Неприхотливые животные, столь драгоценные в этом пустынном крае, сейчас же с жадностью набросились на снег. Поев снега, они передними ногами быстро и привычно расгребли его толщу и, достигнув до тощего подснежного мха и лишаев, с наслаждением его жевали.

После двадцати-минутного отдыха двинулись дальше, без соблюдения прежней очереди саней. Я ехал вдвоем с самоедом Романом, как раз тем, что отвозил в Несси телеграмму.

Успев вернуться к нашему отъезду, он снова совершал с нами долгий путь, повидимому нисколько не утомленный сделанными туда и обратно семью или восемью сотнями верст, после которых он даже не отдыхал.

Быстро добрались до устья Б. Кии, где радостно встретились с нашими товарищами, выбравшимися здесь на берег. Каск и Кервус оказались довольно бодрыми. Первый мог даже хорошо ходить. Но матрос Шеер был в очень тяжелом положении: весь опух, после перенесенного холода и голода. Впоследствии он умер от гангрены в Архангельске, после двухкратной ампутации ног. Новые наши спутники облачились в привезенные нами доспехи, разместились по саням и мы тронулись дальше в тундру. Долго провожали взглядом рыбачью хату; вот наконец, мелькнув последний раз, скрылась она за белым горизонтом, и нас окончательно приняла в свои объятия бесконечная белая пустыня, холодная и нелюдимая. Единственными редкими существами на ее ложе были кочевавшие самоеды да волки, против которых Ардеев даже захватил ружье, имея в виду, что оголодавшие звери иногда наглеют до того, что бросаются на запряженных оленей.

Быстро, окутанные поднявшимся из под ног оленей легким снежным облаком, неслись полярные сани, точно летя по воздуху, то взметаясь на холмик, то ныряя в лощины. Было не холодно в воздухе, но ветер от быстрой езды упорно и неприятно лез за одежду, заставляя ежиться и морщиться от озноба. Не всегда было мягко и ехать и иной раз толчки больно отзывались в отмороженных членах.

Через каждые 20—35 верст мы наталкивались на самоедские становища: среди белого поля возвышались конусами четыре или пять чумов, возле которых бродили, выкапывая из под снега мох, олени. Остановившись, чтобы сменить наших уставших животных на свежих, мы двигались дальше и около десяти часов вечера остановились у большого становища, где было вероятно около полусотни чумов. Как рассказывали самоеды, здесь жил самый богатый их одноплеменник, имевший до 4000 оленей. И действительно вокруг нас бегало

множество оленей, иной раз таких смирных, что свободно давались в руки; других же приходилось ловить веревкой.

Поужинав здесь самоедским угощением из рыбы и оленины, запив все это чаем, мы тронулись, несмотря на ночь, дальше. Наши возницы и ночью так же свободно чувствовали себя в тундре, как и днем. Они не только любовались темным и глубоким полярным небом, блестевшим яркими звездами, но умели извлечь из него и пользу; прекрасно ориентировались в направлении и точно высчитывали время суток.

Без особо интересных приключений, спуская кое где сани с крутых холмов или берегов рек на веревках, добрались мы наконец через двое полных суток езды, до Несси, куда прибыли к утру третьего дня. Еще до Несси мы были встречены приставом, высланным нам на встречу. Скоро после этой встречи, въехали в небольшое село, тысячи на три жителей, где наконец нам была оказана первая настоящая медицинская помощь местным фельдшером. Здесь же мы распростились с добрым Ардеевым и его товарищами, сердечно поблагодарив их, а в особенности самого Ардеева, за оказанную, так быстро и с такой готовностью, помощь.

В Несси нас ожидал уже телеграфный запрос о нашем здоровьи и состоянии, Архангельского губернатора г. Бибикова, гуманным покровительством которого мы затем пользовались непрерывно до отъезда из Архангельска.

После нескольких часов пребывания в долго невиданной нами обстановке, — в светлой, чистой комнате с недымящей печью и светлыми окнами, и среди более или менее культурных людей, — мы, в сопровождении урядника, командированного приставом, выехали, уже на лошадях, в г. Мезень, где, после новых двух суток езды, нашли радушный прием властей, предупрежденных о нашем прибытии.

В Мезени оставили Шеера, не могшего уже ехать, имевшего выше 40 температуры, и дотянулись наконец через трое суток до Архангельска. Таким образом от момента нашего выхода на берег Канина Носа прошло уже почти две недели. Кое у кого пальцы на ногах отвалились совсем от гангрены; мои ступни начали также чернеть. Прямо с саней

всех нас поместили в больницу, где деятельно принялись за спасение. Но только боцман и кочегар А. Каск отделались благополучно. Остальные же поплатились различными частями тела, захваченными гангреной.

После семи месяцев пребывания в Архангельской больнице, где мне были сделаны две операции, я сам очутился без ног, отрезанных почти по колено. Да на руках выше кистей остались вечные пятна от бывших ран. Словом у меня теперь много есть чего на память о пережитых днях среди полярных льдов океана, еле еле выпустившего из своих объятий шесть жизней, искалеченных им навеки. А остальных моих товарищей, оставшихся на *Ормесби* с капитаном Юргенсом, так хорошо спрятал океан, что ни их, ни самого несчастного *Ормесби* посланный пароход нигде уже не нашел. Бурлили и пенились на Орловских Кошках холодные темные волны и в их шуме и плеске слышалась «вечная память» погибшим.

Записал со слов старшего помощника капитана *Юргенса*

Карла Мартиновича *Гульбе*

прапорщик Леонид Васильевич **Давыдов.**

Морской госпиталь, 1915 г. август-декабрь.

Вышли в свет новые книги.

Муравьев, Л. Курс радиотелеграфного дела. Электромагнитные волны и их применение в целях сигнализации. Для средних техников. Изд. 3-е, перераб. и дополн. П. 1918 г. 275 стр. Ц. 16 р. («Рассмотрение «Курса» создает прежде всего впечатление законченности . . . . Изложение не оставляет желать ничего лучшего: книга написана языком простым, точным и ясным, она обильно снабжена чертежами — на протяжении 275 стр. текста — 150 чертежей . . . Книга заслуживает высокой похвалы в качестве курса для средних техников и может быть настоятельно рекомендована во 1) всем интересующимся радиотехникой в современном ее состоянии вообще, во 2) для высших техников радиотелеграфного дела, желающих иметь под рукою род конспективного сборника сведений о радиотелеграфии и в 3) наконец, для преподавателей радиотелеграфного дела, как образец новейшего руководства». И. Р. «Морской Сборн.» № 4 за 1919 г.).

Муравьев, Л. График передачи и приема по радио. П. 1919 г. с 10 стр. текста. Имеется в продаже и без объяснительного текста.

Беспятов, М. Учебник по навигации. 2-ое исправ. и доп. изд. 155 стр. Ц. 10 р. («Курс навигации изложен ясно, сжато и применительно к требованиям практики». Е. «Морской Сборник», № 4 за 1919 г.).

Блинов, В. Сборник задач по электротехнике (Постоянный ток). 135 задач с подробным решением. Пособие к самостоят. прохождению курса электротехники. П. 1919 г. 49 стр. Ц. 5 р.

Блинов, В. На Мурмане. По личным воспоминаниям. П. 1917 г. 55 стр. Ц. 3 руб. («Весьма интересно и живо составленное описание путешествия автора в 1906 г. на Мурман. Личные наблюдения и впечатления дополнены новейшими данными, почерпнутыми из ряда печатных трудов, посвященных нашему северному Поморью. Брошюра написана популярным языком и читается с неослабевающим интересом». «Балт. Морск. Транспорт», № 3 за 1919 г.).

Панаев, П. (Переводчик). Флот Соединенных Штатов. П. 1919 г. 51 стр. Ц. 3 р.

Старший офицер Z—181. Z—181 (На цеппелине из Германии к Букаресту). Пер. с нем. А. Холодняка. П. 1919 г.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Введение. Ч. I. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 по 1901 г., 505 стр. Ц. 5 р.

Гибель „Ормесби“,—драма во льдах Полярного моря. (Эпизод из великой мировой войны). Сообщил Давыдов. П. 1919 г.

Лукашевич, С. Записки сумасшедшего матроса. С иллюстр. П. 1918 г. 143 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Холодняк, А. Женщина и др. рассказы из морской жизни. П. 1918 г. 154 стр. Ц. 5 р. («Сборник из шестнадцати небольших рассказов . . . изобличая в авторе исключительного знатока и тонкого наблюдателя морского быта, развертывает перед читателем одну за другою яркие картины военно-морской жизни и благодаря живому и талантливому изложению, вводит читателя в этот мир, делая его понятным, близким и привлекательным . . . Все рассказы читаются удивительно легко, все с более и более захватывающим интересом . . . Книжка издана замечательно изящно, отпечатана на великолепной бумаге».« Балт. Морс. Трансп.» № 4 за 1919 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Муравьев, Л. Курс радиотелеграфного дела. Ч. I. Электротехника постоянного и переменного тока в применении к радиотелеграфии. 3-е перед. и доп. изд.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Книжный Склад Народного Комиссариата по Морским делам.

Петроград, Дворцовый проезд, Главное Адмиралтейство
телеф. 583—31.